

Восход

Издание Сибирского Рериховского Общества, № 8 (220), Август, 2012

Н.К. Рерих. БУМ ЭРДЕНИ. 1947

Н.Д. СПИРИНА

ПОДВИГ ЗЕМНОЙ И НАДЗЕМНЫЙ

«В старинных книгах часто упоминалось: счастлив тот, кто на своём пути в жизни может встретить мудрого старца. Старца, который и его направил бы на правильный, скорейший, кратчайший путь и, может быть, устранил бы те трудности, которые перед ним будет ставить жизнь.

В лице моего отца я встретил этого мудрого старца. Он был для меня не только отцом и учителем, он был кем-то гораздо большим. А именно — наставником жизни» — так говорил Святослав Рерих о своём отце, Николае Константиновиче Рерихе. То же самое могли бы повторить те, кто встретил на своём духовном пути Бориса Николаевича Абрамова, ближайшего ученика Н.К. Рериха.

Моя запись «Звено» за 1991 год имеет прямое отношение к Б.Н. Абрамову, который являлся моим наставником жизни. В ней говорится: «Иерархическое построение — по звеньям. Это — библейская лестница Иакова, по которой нисходят и восходят Ангелы. В Учении Живой Этики указано крепко уцепиться за ближайшее к нам звено. И это вроде бы понятно.

Но здесь начинают возникать затруднения, которые, если не осознаны и не устранены, могут привести к разрыву цепи, то есть к разрушению иерархического построения.

Что при этом надо осознать? То, что наше ближайшее звено в большинстве случаев не есть архат или один из членов Великого Белого Братства, а наш сотрудник, немного более продвинутый на пути познания Живой Этики и обладающий более развитой духовностью, дающей возможность прохождения через него Луча Иерарха и передачи этого Луча или Тока вниз по цепи.

Это не значит, что он уже изжил все свои *личностные* недостатки и утвердил полностью все превосходные качества. Но важно то, что он стремится к этому непрестанно, что он находится в эволюционном процессе и что эти несовершенства не препятствуют ему крепко держаться за *своё* звено и не пресекают Тока, идущего сверху.

Быть учеником не просто и не легко. Прочитав в Учении указание «каждый имейте учителя на земле», многие кидаются на поиски такового, не задумываясь, готовы ли *они* к ученичеству. А без этой готовности наличие учителя не поможет. Что для этого нужно? Прежде всего — *соизмеримость*, то есть умение отличить малое от большого, ничтожное от великого и сосредото-

точиться на большом, отстранив малое. Не личность земного Гуру должна занимать внимание ученика, а те его качества и достижения, которые поставили его на определённую ступень лестницы Иерархии. Таким образом, с одной стороны, требуется уважение, а с другой — терпимость. Если эти качества развиты, человек может стать учеником; иначе цепь будет не крепка и при первом же испытании может порваться.

А испытания не замедлят. Тёмные не терпят стройности построения, какой является лестница Иакова, и всячески стараются эту гармонию нарушить. При этом они пользуются слабостями ученика, играя на них, как на клавишах, точно зная, какую нажать. Используются обидчивость, гордыня, самомнение, уверенность в своей правоте, недовольство, раздражение, склонность к критиканству. Эти свойства, если ученик с ними не борется, раздуваются до степени разрушительной. В результате ученик начинает бить по своему звену, не думая, что эти удары передаются по всей цепи и резонируют до самой Вершины. Обратный удар неизбежен.

Поэтому, перед тем как утвердиться на земном учителе, надо проверить себя, можешь ли ты вместить пару противоположностей: с одной стороны, принять своё звено без иллюзий, а с другой — являть должное уважение к нему и следование за ним.

В обоих случаях требуются качества справедливости и соизмеримости.

Это приведёт к успешному, плодотворному сотрудничеству, и такое иерархическое объединение послужит оплотом больших неотложных дел».

Тридцать лет его жизни прошли перед моими глазами. Тридцать лет непрестанного подвига, земного и надземного. По-земному ему было очень трудно. Тяжело больная жена на руках, работа ради заработка, домашние заботы, ученики.

Никогда не забуду моей первой встречи с Борисом Николаевичем. Сначала я получала книги Живой Этики от его ученика. Он рассказал обо мне Борису Николаевичу, и тот выразил желание встретиться со мною. Но к себе не пригласил, пришёл сам. Вначале он был очень сдержан, внимательно присматриваясь ко мне. У Бориса Николаевича были необыкновенные, сверкающие голубые глаза. Их взгляд был такой пронзительный, что казалось — он видит тебя насквозь. Так на меня никто никогда не смотрел, и надо было

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ АБРАМОВ. Венёв. Конец 1960-х гг.

выдержать этот взгляд. Мы сели, стали беседовать. Борис Николаевич спросил, чем я занимаюсь. Я ответила, что перепечатаваю книги Учения, — тогда, во время японской оккупации, книг в продаже уже не было, и мы их перепечатывали. Борис Николаевич очень это одобрил. Я стала задавать вопросы, но чувствовала себя очень скованно, как бы натываясь на защитную броню, которою он охранялся, и не могла дойти до него сердцем. Но вдруг неожиданно я почувствовала свободу, раскованность, говорить стало легко. Борис Николаевич доброжелательно улыбнулся и как бы повернулся ко мне лицом. Помню, что я увидела над ним голубую звёздочку и сказала ему об этом. Он ответил: «А я только что видел над вашей головой розовую звёздочку. Мы с вами, — говорит, — обменялись звёздочками». А потом выяснилось, что он в это время услышал Голос, который ему сказал: «Она способна к сотрудничеству», и это решило его отношение ко мне. Потому что сотрудничество — это непростая вещь. Если человек способен к сотрудничеству, значит, с ним можно общаться и до какой-то степени ему доверять.

Борис Николаевич познакомил меня со своей женой и разрешил приходить к нему домой. Я сразу включилась в помощь по домашнему хозяйству. У меня было много вопросов по Учению, которые я ему задавала, так же как и другие немногочисленные его ученики. Тогда он решил объединить всех в группу для занятий, собрал нас, рассказал, что ритм имеет огромное значение, и назначил нам день и час для встреч. И мы со всех концов довольно большого города (а я из пригорода) собирались у него. Это был мой заветный день, когда я отстраняла всех и всё. Я ещё только подходила к его дому — и уже была счастлива. Как будто открывалась дверь не в квартиру, а в беспредельность, и уже при входе туда сердце наполнялось счастьем. В Учении говорится о «часах счастья», когда Рерихи пребывали в Твердыне, с Иерархией. А в моей жизни часы счастья были только в общении с ним. Это были единственные часы, когда я была совершенно счастлива.

Как занимался он с учениками? Дисциплины мысли и чувств требовал он от них. Это было первым условием для продвижения. А самым главным, на чём он особенно и неустанно настаивал, было применение Учения в жизни. Каждый день применить что-то из даваемого. Он настаивал, чтобы мы приходили на занятия собранными, оставив позади все житейские мелочи и заботы. Мы садились за стол в определённом, установленном порядке и в молчании обращались к Учителю. Затем Борис Николаевич читал одну из полученных им Записей. Этого мы всегда очень ждали, поскольку содержание его Записей всегда соответствовало необходимости данного момента. Были сообщения по поводу событий, происходящих в мире, а также давались разъяснения, касающиеся наших текущих дел и проблем.

По предложению Бориса Николаевича каждый приносил то, что он прочёл в Учении за неделю — что особенно его затрагивало из прочитанного; вопросы, возникавшие при этом; и так называемые «жемчужины» — отдельные предложения из Учения, изложенные в краткой, чеканной форме, например:

«Мочь помочь — счастье».

«Неблагодарный неблагороден».

«Любовь есть венец Света».

Когда ученик задавал вопрос, то Борис Николаевич всегда предлагал ему сначала самому высказать соображения по этому поводу и только потом добавлял свои разъяснения.

Ученики делились всем, что происходило с ними за неделю, рассказывали о своих снах, о житейских проблемах. Всё рассказанное объяснялось с точки зрения Учения для правильного подхода к этим событиям.

Борис Николаевич очень поощрял наше творчество, выражавшееся в стихах, прозе, рисунках, и просил приносить плоды наших трудов на занятия. Всё принесённое нами зачитывалось, обсуждалось и корректировалось, если это было нужно.

Встреча с Б.Н. Абрамовым решила всю мою жизнь, ибо с тех пор мы стали регулярно встречаться и заниматься Учением, что в Харбине продолжалось около двадцати лет, и далее, по приезде в Россию, я каждое лето ездила на встречу с ним. Именно эти встречи обогатили меня духовно, и без них я не могла бы дать чего-то и другим.

В Харбине я бывала у них постоянно; помогала его жене по хозяйству, вникала во все домашние дела, и потом, когда приезжала к ним в Венёв (в Подмоскovie), я тоже старалась быть полезной, чем могла. Как скромно они жили! Борис Николаевич так был скромен и непритязателен сам, что во всём довольствовался минимумом, даже в питании (вот такая деталь: обед его обычно состоял из одной пиалки супа и небольшого количества овощей). Жили они в квартире без удобств — Борис Николаевич сам пилил и колол дрова, таскал уголь, носил воду из колонки на улице. В Венёве у них был огород — я помню великолепные помидоры, которые он выращивал. Всё это надо было делать своими руками.

Я видела, как он занимался чуждым ему домашним хозяйством и как хорошо и добросовестно он всё делал. Обязанности по дому он выполнял спокойно, красиво, с достоинством, часто с шутками. У Бориса Николаевича было большое чувство юмора, он имел склонность употреблять очень забавные выражения и очень ценил проявления юмора в других.

Когда-то, думая о Борисе Николаевиче, я написала себе памятку о том, *что* я должна повторять и постоянно себе напоминать. Я назвала эту памятку: «Обет уважения и благодарности».

Только благодарность, только признательность могут вызвать в нас должное чувство к нашему старшему сотруднику, к нашему звену. Если этих чувств не будет — то и соответственного отношения не воз-

никнет. И я записала, *что* из его качеств я должна себе постоянно напоминать:

- великая отзывчивость, сочувствие, сострадание, доброта;
- эффективная помощь на земном и духовном плане;
- защита от тёмных;
- устремлённость к выполнению долга и большие достижения, несмотря на все препятствия;
- великая ценность Записей;
- преданность и любовь к Иерархии;
- несение земных обязанностей с достоинством, терпением, огромной выдержкой, красиво;
- скромность и нетребовательность в личной жизни;
- огромный резервуар психической энергии.

Многokrатно обязана: благоприятными обстоятельствами в жизни, лечением болезней, воспитанием характера, расширением сознания, ценными советами и предупреждениями, получением ценных пособий, знанием, защитой, помощью, непрестанной заботой.

Великая отзывчивость. Не было случая, чтобы Борис Николаевич не отозвался на какие-то проблемы, вопросы, дела, болезни и нужды его учеников, несмотря на то что у него самого положение было чрезвычайно тяжкое — на руках была больная жена, приходилось работать целый день, чтобы зарабатывать на жизнь, и на жизнь очень скромную.

И тем не менее его сердце отзывалось буквально на всё, начиная от глобальных явлений, политики, которой он всегда интересовался — он знал всё, что происходит в мире, — до самых наших мельчайших нужд.

Безотказная помощь всем, и материальная, и, главное, духовная. Он обладал удивительной отзывчивостью и помогал всегда, по завету Учителя — «Помогайте друг другу, слышите!» Своих учеников он приучал к тому же. Редко наши занятия проходили без того, чтобы не помочь кому-то коллективно в духе. Сама я много раз получала его помощь, совершенно явно ощутимую, во время болезней и в трудных обстоятельствах. Там, где не могли помочь врачи и лекарства, там помогала его психическая энергия, «которая является панацеей от всех болезней».

Так, например, Борис Николаевич говорил мне: «Не скрывайте, когда вы болеете». Я старалась об этом умалчивать, чтобы не отягощать его, но он протестовал и велел мне всё равно сообщать об этом. Когда возникала болезнь и я начинала ему об этом писать, то уже в этот момент я чувствовала облегчение. Мысль моя доходила до него мгновенно, и сразу возникала ответная реакция. Я об этом потом ему рассказывала,

и он просил: «Отмечайте всё, ничего не пропускайте! Всё это имеет значение».

В числе многих качеств Бориса Николаевича у меня отмечено его *сочувствие*, без которого не может быть и отзывчивости. Те же самые качества он отметил у Ю.Н. Рериха при встрече с ним в Москве. Он говорил, что Юрия Николаевича интересовало буквально всё — каково состояние здоровья жены Б.Н. Абрамова, как они устроились с квартирой, как складываются дела с пенсией (в Харбине Борис Николаевич выработал свой пенсионный стаж, но было необходимо, чтобы его признали в России, а это было непросто). И во всё это Юрий Николаевич вникал с необыкновенным сочувствием, и это поражало.

Сострадание, доброта, отзывчивость — всё это было у Бориса Николаевича. *Эффективная помощь*, которую он оказывал, проявлялась на земном и духовном плане. Ведь у нас были и духовные проблемы со всякими своими особенностями. Иногда мы жаловались ему на себя, на то, что что-то ещё не удаётся в себе изжить. Тогда он помогал мысленно, и после этого как-то легче было бороться и что-то в себе изживать. Не всегда, конечно, хотелось ему в этом признаваться, если были какие-то недостатки; но он иногда и сам улавливал и говорил: у вас то-то, то-то. Я никогда не отрицала, если он меня «разоблачал». А иногда и сама говорила: «Знаете, вот пытаюсь, но что-то не получается». И вот в этих случаях он тоже помогал.

Защита от тёмных. Конечно, наш альянс с Борисом Николаевичем тёмным страшно не нравился. Потому что когда мы с ним объединялись, это была очень большая сила, и они всячески пытались вредить и мешать и ему, и мне, и, конечно, нашим встречам. Например,

Б.Н. Абрамов. Акварель

в Харбине мы встречались по понедельникам, но как только наступал понедельник, так что-нибудь происходило. Или дома какие-то неприятности, или в природе — иногда там бывали очень сильные сезонные ливневые дожди, также случались страшные тайфуны (песчаные бури). Но мы всё равно шли на встречи, решив не поддаваться никаким препятствиям.

Борис Николаевич часто видел в снах, как тёмные пытались на него нападать. Один сон он нам рассказал, и он очень ярко запомнился. Он увидел во сне, что на их гардеробе сидел тигр колоссальных размеров, который собирался прыгнуть на него. Борис Николаевич остановил его взглядом, — но сказал, что понадобился большой заряд энергии, чтобы парализовать тигра и прогнать его.

Когда я приезжала к Борису Николаевичу в Венёв, там тоже возникали всякие неприятности и трудности, как будто для того только, чтобы помешать нашим встречам. Но он уже был готов к этому, так же как и я, и при нашей готовности к препятствиям их было легче отразить.

Но всё-таки они появлялись. Помню такой эпизод. Приехав в Венёв, я остановилась, как обычно, в маленькой провинциальной гостинице. В этот раз мне отвели отдельный номер. Я приготовилась спать, но, выключив свет, вдруг остро ощутила в комнате чьё-то страшное невидимое присутствие. Зажгла свет — нельзя было находиться в темноте, спать было невозможно. Я и молилась, и обращалась, и произносила Имя... Только кое-как, к утру, после того как пропели петухи, эта опасность исчезла. Утром я рассказала обо всём Борису Николаевичу. Он один пошёл в этот номер гостиницы и пробыл там некоторое время. Вскоре он вернулся: «Да, это была большая величина. Теперь вы можете спать спокойно, больше он к вам не явится. Но, — добавил он, — это потребовало огромных затрат энергии». И действительно, потом больше ни подобных явлений, ни малейшего страха не было. Но это был даже не страх, а какой-то непередаваемый ужас. Я сознавала это и крепко держалась, но всё равно он не уходил. И только Борис Николаевич смог его нейтрализовать. Вот один из примеров того, как он защищал нас от тёмных.

Борис Николаевич никогда не посягал на нашу свободную волю. Нам в Харбин без конца писали и Николай Константинович, и Елена Ивановна: «Ехать, ехать и ехать на Родину! Вы там нужны». Они писали, что если мы там будем только читать Учение, и то уже сделаем очень большое дело для пространства России. Тем не менее две из его ближайших учениц уехали в другую страну. Для него это был удар. Как руководитель и ответственный за них, он тяжело переживал их отъезд. Он говорил: «Они уехали, не выполнив Указа Иерархии». Борис Николаевич мог бы силой воли заставить их исполнить данное указание. Но это ему было не нужно, он никогда на нас не воздействовал волевым приказом, как это делают лжеучителя. Там всё держится только на страхе и подавлении воли. Он же мог разъяснять, но не требовать. Я помню, как мы провожали самую его близкую ученицу, — как было тяжело! Борис Николаевич стоял неподвижно на перроне. Она была уже на подножке поезда; поезд тронулся и стал отходить. Он молча смотрел на неё. Мне было невероятно тяжело это видеть, потому что самой было жаль с нею расставаться, так как за многие годы совместных занятий мы сблизились. Кроме того, я понимала, что поезд увозил её «в никуда», ибо никаких духовных перспектив этот переезд ей не сулил. Но больше всего я переживала за него.

Как нам и было указано, Борис Николаевич, а вслед за ним и я уехали в Россию. У него на руках была

больная жена, а у меня — мать, которой было далеко за восемьдесят. Это стало возможным в 1959 году.

Устремлённость к выполнению долга. Учение указывает нам на выполнение своего долга, и Борис Николаевич являл собою наглядный пример осуществления этого завета. Я видела, как он был устремлён к выполнению своего назначения, которое, как писала ему Елена Ивановна, заключалось в создании и укреплении прямого провода с Иерархией Света, посредством которого он получал сообщения и указания из Высшего Источника и записывал их. В этом заключалась основная миссия данного его воплощения. Ещё до получения писем от Елены Ивановны он уже получал Записи, но сомневался в источнике их, — он был чрезвычайно скромный человек, никто никогда не слышал от него никакого самоутверждения. Елена Ивановна трижды подтвердила подлинность Высокого Источника его Записей, — он читал нам эти её письма. Но мы, его постоянные слушатели в течение многих лет, ещё и не зная того, при каждой встрече с жадностью слушали чтение его Записей и черпали из них всё необходимое для нашего продвижения. Сообщения всегда давались как самое нужное к данному моменту, часто разъясняли общемировую ситуацию или положение каждого из нас. Часто мы получали ценнейшие указания, непосредственно нас касавшиеся. Это было конкретное проявление через его канал непрестанной заботы Иерархии о нас, выраженное в доступной нам форме, в виде советов, указаний, мыслей. И далеко не всегда, получая эти сокровища, мы задумывались над тем, какой ценой они добывались. Борис Николаевич выполнял свой долг, несмотря ни на какие препятствия, а препятствий, особенно бытовых, было предостаточно. Борис Николаевич в основном получал сообщения утром, на грани сна, перед пробуждением. Сначала это были отдельные слова, потом фразы, потом целый поток мыслей. Он заранее готовил небольшие листочки бумаги, пронумеровывал их, потому что писал, находясь ещё в полусне, на ощупь; писал и бросал на пол. А потом я видела, как в свободное от хозяйственной работы время он сидел с этими листочками, часами, подолгу расшифровывал написанное и мельчайшим почерком переписывал в тетрадь. Я видела эти листки и понимала, какая это была трудоёмкая, кропотливая работа, отнимавшая и время у сна, и много сил. Не просто принимать сообщения Свыше. Для этого приёмник должен быть всегда настроен соответственно, всегда быть в созвучии с Посылающим и посылаемым, всегда быть в полной готовности и равновесии. Равновесие требовалось особое, так как слишком уж

велика была разница между высшими вибрациями и окружающей средой.

Накопленные Записи — это подвиг жизни. И мы, знавшие об этом подвиге, всегда относились к ним с благоговением. Помимо всех ценнейших Иерархических Указаний и сообщений, получаемых через Записи, мы, много лет изучавшие книги Живой Этики, постоянно отмечали, что в Записях даются новые аспекты положений Учения, дальнейшее развёртывание его беспредельного смысла и значения. Таким образом, его труды являлись для нас также ценным пособием для постижения и изучения Живой Этики. Значимость этих Записей ещё долго будет осваиваться и пониматься людьми.

Преданность и любовь к Иерархии Света. Как чувствовались они в Борисе Николаевиче! Он был среди жизни «как бы один, как бы оставленный». Особенно он любил своего Гуру — Николая Константиновича Рериха — и твёрдо надеялся на встречу с ним и всей семьёй в России. Но ему, как и мне, пришлось пережить тяжкие утраты. Со своим возлюбленным Гуру он встретился лишь на короткое время, переписка была нерегулярной, а затем и окончательно прервалась, в связи с уходом Гуру, вместе с его самой сокровенной пламенной надеждой на новую встречу в этой жизни. Осталась связь в духе, совсем не простая и не лёгкая, требующая величайшего духовного напряжения и особого состояния сознания, не замутнённого земными струями повседневной жизни. Сначала ушёл Николай Константинович. И встреча с ним, которую мы так ждали, не осуществилась. Осталась Елена Ивановна, и мы жили надеждой на счастье встречи с ней. Но планы меняются; вдруг приходит неожиданное и страшное известие о её скоропостижном уходе. Это тоже надо было пережить, и я была свидетельницей того, как мужественно и достойно Борис Николаевич перенёс эту столь тяжкую утрату. В 1957 году из Индии в Россию переехал Ю.Н. Рерих, и в 1959 году, когда мы приехали на Родину, Борис Николаевич незамедлительно направился в Москву для встречи с ним. Они встретились, состоялась беседа, чрезвычайно важная и значительная. А когда он приехал на встречу с Юрием Николаевичем во второй раз, ему открыла дверь одна из сестёр Богдановых и без всякой предварительной подготовки сразу объявила ему, что Юрия Николаевича уже нет в живых. Это тоже был один из тех ударов, которые ему пришлось перенести. А я пережила их уже пять. В 1972 году, 5 сентября, в возрасте 75 лет Борис Николаевич ушёл из жизни. А через несколько лет ушла Зинаида Григорьевна Фосдик, мой близкий и сердечный друг, с которой

мы до того переписывались и при встрече в Москве очень сблизились.

Начав изучать книги Учения, я стала писать стихи, а до встречи с Учением ничто меня на творчество не вдохновляло. Борис Николаевич говорил: «Всё, что вы пишете, приносите. Обязательно будем читать, обсуждать». Он требовал от меня, чтобы я шлифовала своё мастерство. «На такие темы, — говорил он, — нельзя писать небрежно, коряво — тогда их лучше и не затрагивать. Если вы берётесь писать стихи на темы Живой Этики, то форма их должна соответствовать их высокому содержанию». Так он мне это крепко повелел, и я старалась, как могла, этому указанию следовать всю жизнь.

Борису Николаевичу посвящено одно моё стихотворение из сборника «Капли»:

*Одинокое пламя
под всеми ветрами горит;
Под грозой,
под ударами волн озверевшего мира
победно стоит.
Ночь темна,
но Лампада пустыни
во мраке бесстрашно горит.*

Я часто вспоминаю, чем я многократно обязана Борису Николаевичу: расширением сознания, воспитанием характера, помощью во время болезней, благоприятными обстоятельствами в жизни, ценными советами и предупреждениями против различных опасностей и в житейской, и в духовной сфере. Таким образом, я получала от него и знания, и защиту, и помощь, и непрестанную заботу.

Встречи с ним были светлой радостью и духовным обогащением. Каждый уходил от него с руками, полными даров, даваемых по потребности. И всегда было стремление не растерять полученное, но пронести по всей жизни, сделать своим достоянием. И невозможно учесть, сколько всходов дали благие посевы его духовных трудов. Да будет благословен сеятель добрый, —

*Дающий щедро сердца свет
Теплом Божественным согрет...*

«Будущие Архаты, на явленной планете заканчивающие земные счета, Нам, Архатам, сотрудники. Когда Иерархия обогащается, то праздник космический» (Иерархия, 4).

Июль 1997 г.

Из Записей Б.Н. Абрамова

25 июля 1953 г.

...Лучи Урана — лучи Владыки.

Земля, пронизанная ими, переродится, чистой станет Земля. Дух планеты возродится вместе с духом людей. ВМЕСТЕ — слово будущего мира. Именно вместе, а не порознь. Уран даст понимание вселенского единства и взаимосвязи. И не найдут себе места расчленители на новой Земле. Они сами отделятся в силу своего стремления к отделению. Именно каждый сам творит свою судьбу.

Где воздаяние и где суд? В самоустремлении.

31 марта 1953 г.

Сейчас идёт грубая фаза проявления Нового Мира. На тонком плане всё готово, но надо установиться явлениям земным. Скоро вспомнят о Знамени Мира. Заговорят о нём, потом поднимут его. Напрасно рассчитывают враги новой страны на раскол внутри. Они им не помогут. Можно ждать подъёма энтузиазма народного в связи с переменами ко благу и облегчением жизни. Подъём освобождённого народа будет так силён, что сокрушит любые тьмы врагов. Так энергия, нагнетаемая под давлением, приобретает при освобождении особую силу. Если двигатели основаны на этом принципе, то что же сможет двинуть энергия великого народа?! Враги, не учитывая этого, строят свои базы на вулкане. В этом их поражение, что они всё понимают наоборот. Самопоражением можно назвать это явление попыток слепо идти против космических законов. Они (законы) обращают меч поднявшего против него самого.

Тиски разжимаются, народ расправляет плечи. Сон кончился. Они теперь точно знают, чего хотят и потребуют во весь голос. Они вдруг увидели, что те, кого они боялись и считали всевластными, не велики и не сильны. И надстройка рухнет вместе со стоящими на ней. Наиболее достойные помогут пережить недолгий период смятения, понимая переходность часа. А в суждённый светилами срок придут предназначенные для нового поворота пути. Не может свершиться нечто вне сроков светил. Нет точнее хронометра, но кто знает о нём? Чуткое сердце может уловить бой небесных часов, когда всё тонет в гуле смятения. Можно спокойно ждать, радуясь, когда сроки космические и личные совпадают гармонично. Можно рассматривать жизнь свою как подготовку к срокам. Человек, родина, планета, Космос. Совпадение всех сроков указывает на единство. Противодействующие будут отброшены энергией лучей светил, а сопутствующие сольются с ними. Единение со светилами можно включить в главу о единении. Объединившиеся с ними сами становятся

частью космической энергии. Скоро уже нельзя будет представить самоотделённых, самодействующих личностей. Эпоха Водолея есть эпоха слияния после эпохи разделения. Именно, дойдя до предела разделения, начнутся поиски объединения. Надо понимать его во всех отраслях жизни. Надо понимать единение шире широкого. Оно ведёт к постижению Нового Мира.

25 ноября 1951 г.

Болезнь («негатив нашего существования») есть следствие разрушения психической энергии. При правильном притоке энергии болезней быть не должно. Отсюда значение качеств, как ключа к болезням и здоровью.

14 ноября 1953 г.

Когда всё величие явленное принесено на благо мира — в этом красота.

1 января 1954 г.

Бывают случаи, когда нужно сосредоточиться только на одном центре. Даже явленное руководство не должно отвлекать от этого устремления. Дверь открыта, и ответ готов на все лучшие мысли, посланные по указанному направлению. Особенности поручения составляют особенность судьбы. Не надо рассматривать это как лишение, но, наоборот, как высшее приобретение; таким путём не будут пропущены и лучшие возможности. Усмотреть в кажущемся лишении приобретение — немалое достижение, ведущее по избранному пути. Не сам ли дух избрал его когда-то, и лишь конечная личность протестует ввиду своего конечного сознания. Потому всякое недовольство неуместно и заменяется сознанием посылаемых возможностей. Много путей земных, но один путь ко Владыке. — Помните о Владыке.

Н.Д. Спирина

**Не сам ли дух избрал её когда-то —
Судьбу свою, свой одинокий путь?
Не сам ли он, торжественно и свято,
Решил дойти и вспять не повернуть?
Не сам ли он избрал свой Идеал,
Звезду свою не сам ли он избрал?!**

1.01 — 24.02.1954 г.

Людмила ГАНИНА

БРАТСКИЙ СОЮЗ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Теософская этика

Е.П. Блаватская утверждала, что «теософия предстала пред миром для того, чтобы влить в современное мышление свежую струю идей и стремлений, иными словами, чтобы подвести логическое обоснование под более возвышенную мораль, создать науку и философию, соответствующую знаниям нынешнего дня. (...) Лишь постепенное усвоение человечеством великих духовных истин способно омолодить лицо цивилизации...»¹

Однако идеи теософии встретили большое противодействие в западном мире. Причину этого Блаватская объясняла так: «В наше время люди охотнее принимают на веру ложь, чем истину, а вот расставание с ложью требует от них гораздо большего труда. Эти злобные измышления омрачают горизонт вокруг теософских центров и не позволяют непредубеждённым людям узнать правду о теософии и её провозвестнике — Теософском Обществе. О том, насколько злобны и мстительны некоторые наши враги, можно судить хотя бы по тому, что время от времени они, не колеблясь, совершают над собою моральное хакари: то есть необратимо губят собственную репутацию честных и порядочных людей ради удовольствия побольше ударить — или хотя бы *попытаться* ударить — тех, кого они так ненавидят. В чём причина этой ненависти? Она довольно прозаична: просто клевета, какой бы наглой и беспочвенной она ни была, очень часто прощается и даже забывается, но однажды высказанную *правду* вам не простят никогда! А неспособность опровергнуть эту правду честным путём, с помощью аргументов, разжигает ненависть, ибо мы ненавидим только то, чего боимся. (...) Для того чтобы признавать свои ошибки, необходимо обладать подлинным благородством или же высокоразвитым чувством долга. А значит, козёл отпущения, на голову которого виновные могут свалить все свои прегрешения, отыщется практически в любой ситуации»².

В своих статьях Е.П. Блаватская со свойственной ей остротой и силой обрушивается на существующий в современном обществе порядок вещей. Читая её труды, мы понимаем, что эти утверждения истинны и что пороки западной цивилизации продолжают существовать и в наше время. И сегодня России, нашей Родине, Запад пытается навязать свои ложные ценности.

Приведём несколько выдержек из статей Блаватской, которые очень ярко характеризуют как XIX век, так и наше время — начало XXI века. «Счастлив тот оптимист, в сердце которого всё ещё поёт соловей надежды, несмотря на все вопиющие беззакония и холодный эгоизм нынешнего века! Наш век преисполнен чванства, гордыни и ханжества и так же жесток, как и лицемерен.

О боги, сколько притворства и кощунственного пренебрежения истиной демонстрирует наш век, пропитанный ложью и обманом! Поистине тебя следует назвать "пексниффианским"³, о *девятнадцатый век* христианской эры! Ибо ты породил больше лицемеров на один квадратный метр своей цивилизованной почвы, нежели древность во всех своих идолопоклоннических странах за всю свою многовековую историю. И вы, современные Пексниффы, "настолько прониклись духом фальши, что остаётесь *добродетельными* и во хмелю, и во лжи, и даже будучи пристыженными и разоблачёнными", следуя выражению автора "Мартина Чезлвита". (...)

Вместо правды и честности мы увидим условности и холодную, рафинированную *politesse*; иначе говоря — *притворство*. Фальшивки преследуют нас везде: суррогат моральной пищи и суррогат пищи телесной. Для желудка — *маргарин* вместо масла; и такой же маргарин для души. Красота и яркие краски снаружи, и тлен и разложение внутри. Вся жизнь — непрерывный бег, лихорадочная гонка, цель которой — удовлетворение своих эгоистичных амбиций, гордости, тщеславия, жажды денег и почестей. Наездники в этой скачке с препятствиями — человеческие страсти, а кони — наши не очень стойкие собратья. Приз же в ней добывается ценою крови и страданий бесчисленного множества ближних и духовной деградации победителя.

Кто в нашем столетии осмелится открыто высказать всё, что думает? Сейчас человек должен быть поистине героем, чтобы говорить правду, зачастую сопряжённую с риском для его жизни и благополучия. Сам закон запрещает говорить правду, лишь иногда настаивая на этом в своих судах, под страхом обвинения в лже-свидетельстве. Но если ложь высказывается публично и в печати, то, не будучи богатым, почти невозможно заткнуть рот клеветнику. Начни вы излагать только

¹ Блаватская Е.П. Напутствие бессмертным. М.: Сфера, 2004. С. 282.

² Там же. С.182 — 183.

³ Пекснифф — персонаж романа Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит» — елейный лицемер.

факты, и вас объявят лжецом, но, если промолчите при виде совершенного у вас на глазах беззакония, ваши друзья станут считать вас его соучастником — сообщником. Таким образом, в нашем цикле стало невозможно открыто и честно высказывать собственное мнение»⁴. «В наше время вовсе не нужно быть честным, искренним и праведным, чтобы выклянчить себе признание и лавры достойного человека. Для этого достаточно просто быть удачливым лицемером...»⁵

«Ложь стала политикой нашего века: лжёт общество, понуждаемое к этому собственной культурой и понятиями о добропорядочном воспитании; лгут отдельные личности... О *ложь*, имя тебе — легион! Выдумки и небылицы пронизывают ныне всю почву наших нравственных устоев и повседневной жизни...»⁶

Провозглашая великую идею Братства всего человечества, Блаватская борется с социальным неравенством, обличая бесчеловечную силу богатства. «Итак, мы видим, что цивилизованный мир и его обитатели всегда несправедливы, ибо насаждают один закон для богатых и могущественных и совершенно иной закон — для бедных и невлиятельных. (...) Сила стала правом... Богатство обеспечивает безнаказанность, а бедность чревата осуждением "по закону" даже невиновных, поскольку неимущие лишены возможности платить юристам, что отнимает у них естественное право обращаться в суд за сатисфакцией. Намекните хотя бы в частной беседе на то, что некий субъект, имеющий дурную славу нувориша, разбогатевшего за счёт грабежа и вымогательства или же благодаря нечистой игре на фондовой бирже, — самый настоящий вор, и закон, за помощью к которому он обратится, разорит вас штрафами и судебными издержками, а вдобавок ещё и упечёт вас в тюрьму за клевету, ибо "чем выше истина, тем больше клевета"»⁷.

Блаватская утверждает, что тлетворные эманации современной цивилизации убивают всё доброе и истинное, а корнем зла является человеческий эгоизм. «...Абсолютно эгоистичный индивидуум — это тот, кто заботится только о себе, или, иными словами, тот, кто настолько преисполнен сознания важности собственной персоны, что оно является для него верхом всех его мыслей, желаний и устремлений, а всё остальное не имеет совершенно никакого смысла»⁸.

Особенно ярко человеческий эгоизм проявляется в гордыне, самомнении и себялюбии. Именно эти пороки западного мира обличает Е.П. Блаватская. «Гордыня и самомнение — две ужасные язвы, пожирающие сердца *цивилизованных* наций, а себялюбие — меч, коим преходящая *личность* пытается разрубить золотую

нить, связывающую её с бессмертной **Индивидуальностью**. (...)»

Гордыня — злейший враг прежде всего для самой себя. Ей невыносимо слушать, как кого-то хвалят в её присутствии, и потому она набрасывается на любого соперника, но далеко не из каждой схватки выходит победителем. «**Едина** я, Божья избранница, — говорит гордая нация, — непобедимая и самая передовая, и пусть трепещут все вокруг меня!» Но неизбежно приходит день, когда она оказывается лежащей в пыли и крови. «**И я Едина**, — каркает в унисон с нею какая-нибудь индивидуальная ворона, ряженая в павлиньи перья, единственная настоящая художница, артистка, писательница или бог знает что ещё... — И кого осенью я светом своим, тот избран среди народов, а к кому повернусь спиной, тот обречён на всеобщее презрение и забвение».

Пустое бахвальство и спесь. Благодаря знакомству с законами кармы и евангельскими истинами мы знаем, что первые станут со временем последними, и наоборот. И те писатели, чьи мысли представляются омерзительными фанатичному большинству, останутся в памяти многих последующих поколений, а прочие, какими бы талантливыми и оригинальными они ни были, окажутся не востребуемыми в будущих циклах. Более того, коль скоро не ряса делает человека монахом, то и внешнее великолепие вещей, будь то шедевры литературы или искусства, не может служить гарантией моральной красоты их создателей»⁹.

«Таков наш век, — пишет Блаватская, — ныне с таким шумом, но к счастью для всех, готовящийся к своему финальному прыжку в вечность»¹⁰. Новый же век связан с утверждением идей теософии, и прежде всего с принятием возвышенной теософской этики.

Блаватская объясняет, какими нравственными правилами необходимо руководствоваться, чтобы стать теософом. «Каждый человек... ведущий чистую, бескорыстную жизнь и предпочитающий оказывать помощь своему ближнему, нежели получать её самому; всегда готовый пожертвовать своим собственным удовольствием ради других; и любящий Истину, Добро и Мудрость ради них самих, а не за те выгоды, которые они могут ему принести, — теософ»¹¹.

Теософское Общество было создано совсем не для того, чтобы проповедовать новые лёгкие пути овладения оккультными «силами». «...Его единственная миссия — вновь зажечь факел истины, столь надолго погасший для всех, кроме очень немногих, и сохранять сию истину живую посредством создания братского союза человечества — единственной почвы, на которой

⁴ Блаватская Е.П. Напутствие бессмертным. С. 235 – 236.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Там же. С. 171.

⁸ Там же. С. 346.

⁹ Там же. С. 249 – 250.

¹⁰ Там же. С. 253.

¹¹ Там же. С. 280.

может вырасти доброе семя. Теософское Общество действительно стремится ускорить духовный рост каждого человека, находящегося под его влиянием...»¹²

«Целью искателя духовной мудрости является восхождение на более высокий план бытия; он должен стать новым человеком, во всех отношениях более совершенным, нежели в настоящий момент...»¹³

Духовное развитие предполагает полное подчинение низшей природы высшей. Человек не может подниматься или падать один, так как человечество в своей основе едино. «Не достаточно ли просто знать, что, с самого рождения и до смерти, всякий, даже самый неприметный и безвестный, представитель рода человеческого оказывает влияние на каждого, к кому приближается и с кем вступает в контакт, и, в свою очередь, подвергается влиянию со стороны этих людей; причём делает это так же произвольно и неосознанно, как и дышит? Каждый из нас либо уменьшает, либо приумножает общий объём человеческого счастья и человеческих страданий — причём "не только на настоящий момент, но и на каждое последующее столетие существования человечества"...»¹⁴

Основополагающая идея теософии заключается в утверждении, что духовный прогресс возможен только для всего человечества в целом и что чем выше эволюция, тем более она стремится к Единству. «Согласно фундаментальному учению теософии, ощущаемая нами "отделённость" от других людей и от всего остального мира окружающих нас живых существ является иллюзорной. На самом же деле все люди едины, и это утверждение — не сентиментальный порыв и не истерический энтузиазм, но самая что ни на есть объективная реальность. Вся восточная философия учит, что во всей бескрайней Вселенной есть только **Одна Сущность**, а то, что мы, люди, называем "сущностью", есть только иллюзорное отражение **Единой Сущности** в беспокойных водах земли. (...) ...Духовный прогресс возможен только для всей массы человечества в целом. Ибо индивидуальный человек может рассчитывать на вечное счастье только в том случае, если все люди будут счастливы, потому что индивид является неотъемлемой частью Целого. (...) ...Духовное совершенство и духовное знание могут быть достигнуты только на духовном уровне, то есть только в том состоянии, где всякое ощущение разделённости, эгоизм и все личные стремления и интересы растворяются в более масштабном осознании единства человечества»¹⁵.

Задача, которую ставит перед собой духовный человек, — это реализация единства жизни, которое достигается соблюдением нравственных норм. Стрем-

ление ассимилировать свою индивидуальность со вселенским потоком общеизвестно как нравственная практика. Мы не сможем стать едиными со всем, пока наши поступки, помыслы и чувства не синхронизируются с эволюционирующим потоком природы.

«Главным препятствием в достижении гармоничного сосуществования выступает врождённая привычка человека вечно ставить себя в центр Вселенной. Что бы человек ни делал и ни испытывал, о чём бы он ни думал, непослушное "Я" норовит стать фокусом внимания. Это мешает... каждому индивидууму занять ту нишу жизни, которая предназначена только для него и больше ни для кого. Обретение такой гармонии является практическим, объективным аспектом этой **великой задачи**. Добродетельный образ жизни есть попытка найти суждённую сферу; поистине нравственность, подобно нити Ариадны, помогает человеку выбраться из лабиринта жизненных хитросплетений»¹⁶.

Теософ осознаёт, что бескорыстие является неотъемлемым законом человеческого существования, и всё, что он делает, направлено к тому, чтобы разорвать цепи эгоизма. Битва бескорыстных и эгоистических импульсов, происходящая в человеке, идущем духовным путём, будет продолжаться до тех пор, пока низшие животные стремления эгоизма не будут полностью побеждены. И лишь тогда Братство человечества будет достигнуто.

Но как труден путь к утверждению всеобщего Братства в начале XXI века, в нашу эпоху, забывшую о подлинных добродетелях! Много ли найдётся в мире тех, кто готов искать, принимать и воплощать в жизнь Истину? Готовы ли мы сами биться со своим эгоизмом до победного конца и утверждать основы возвышенной этики в нашей жизни?

Ещё в XIX веке Е.П. Блаватская писала: «Если победа останется за теософией и её всеобъемлющая философия прочно укоренится в умах и сердцах людей, а её учения о перевоплощении и карме, иными словами, о Надежде и Ответственности, станут определяющими факторами в жизни последующих поколений, то заря нового дня, дня радости и счастья, действительно воссияет для всех страждущих и отверженных. Ибо настоящая теософия — это **альтруизм**, и мы не устанем это повторять. Это братская любовь, взаимопомощь и непоколебимая преданность Истине. И если люди когда-нибудь поймут, что именно в этом истинное счастье, а не в богатстве, собственности или каком-то ином способе удовлетворения собственного эгоизма, то чёрные тучи рассеются и на земле родится новое человечество. И тогда действительно вернётся **золотой век**»¹⁷.

¹² Там же. С. 332.

¹⁵ Там же. С. 344.

¹³ Там же. С. 331.

¹⁶ Там же. С. 228 – 229.

¹⁴ Там же. С. 375.

¹⁷ Там же. С. 256 – 257.

Л.Р. ЦЕСЮЛЕВИЧ

МГНОВЕНИЕ И ВЕЧНОСТЬ

Как сказать слово о том, кто истинно стал родным, кто дорог сердцу, кто столь полон красоты, что и не описать словами? Но сказать надо, и сказать так, как это живёт в сознании, как видится в неизгладимой памяти, как сам про себя размышляешь о нём, и сказать так, как было.

Сказать надо о Юрии Николаевиче Рерихе, великом сыне своих великих Родителей. Уже 110 лет со дня его рождения! К его 100-летию я уже писал свои воспоминания о встречах с ним. Но это только часть того, что можно сказать о нём. За все долгие минувшие десятилетия мысли часто возвращались к его образу, облику, деятельности. Ныне исполняется 55 лет со дня моей первой встречи с ним. Это — ровно половина тех лет, что прошли со дня его рождения.

Однажды я летел на самолёте из Кош-Агача в Горно-Алтайск. В иллюминаторах в северном направлении видел три вершины, высоко вознёсшиеся над волнами бескрайнего моря горных хребтов. И хотя был полдень, те дальние вершины из-за громадного расстояния виднелись в розовой дымке, своим видом напоминая корону. Озадачился: что же это за горы? И только приглядевшись к ним, понял, что это Белуха, моя любимая Белуха с её тремя вершинами, та самая, как её ещё называют, — Уч-Сумер, Корона Катуни, осколок Гималаев, но в непривычном ракурсе выглядевшая непохоже на то, что столь знакомо было мне прежде. Рисовал я её, писал с неё этюды много раз с разных сторон, но столь высокой она с земли и вблизи не казалась. А теперь она — царица среди вершин. Подумалось: в истинном свете великое видно только с большого расстояния и только если мы сами поднимемся хоть на какую-то высоту. С земли, с низкой точки зрения великое не охватить.

Это сравнение всегда приходит мне на ум, когда представляю себе Юрия Николаевича, каким я его видел, слышал, понимал. Более чем за полвека он стал выше, он стал значительнее, и притом он стал ближе, намного ближе. Беспощадные судьи подлинности ценностей — время и расстояние — выявили ещё ярче его суть.

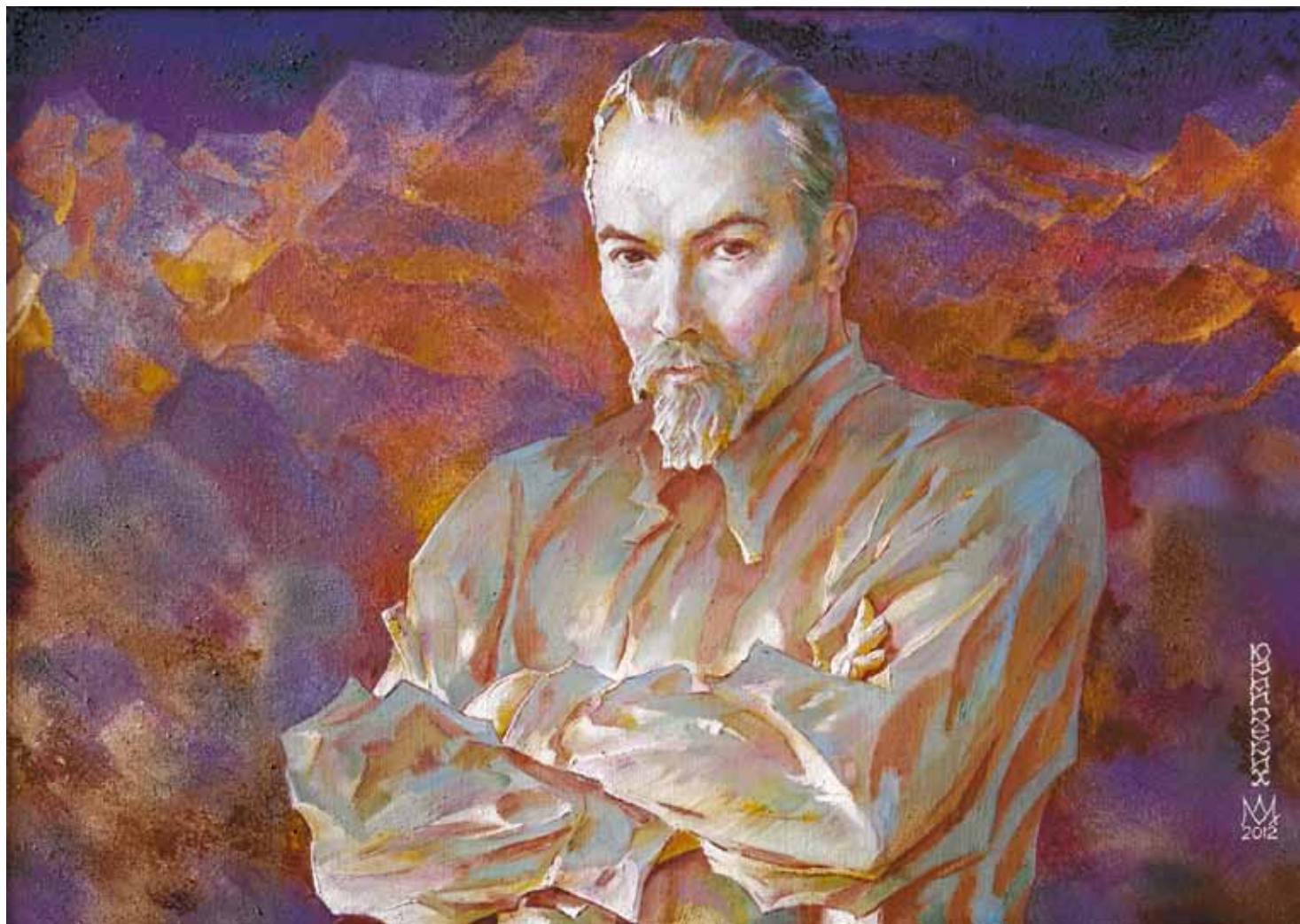
Часто невольно приходилось задаваться вопросом: что же было в нём самым замечательным? Почему его невозможно забыть и он, как маяк, живёт в сознании? Приходится признать, что это была особая аура, особая энергетика, как озон Высшего Мира, — именно она преображала и возвышала всё, к чему он

прикасался. Многие называли это обаянием, но это было то обаяние, которое не поддаётся описанию. Находиться рядом с ним было счастьем. Даже увидя его издали, в толпе, мельком, люди менялись, возвышались духом.

Можно смело сказать, что он был учителем жизни. Хотя он был совсем не таким учителем, какого мы обычно представляем. Ведь он сам говорил не раз: «Воспитать человека невозможно. Каким он родился, таким и будет». Но люди при нём менялись. Всё дело в том, что он действительно не воспитывал так, как это чаще всего понимается. Он никому не делал никаких замечаний, не поучал, не указывал на недостатки, не вскрывал ошибки, даже если они были очевидны. Только когда приходилось к слову, делился опытом, утверждал научные факты — какое действие к чему приводит. Он не только применял другой метод, но он жил им. Это естественный подход, когда воспитывает не слово, а дух воспитателя, красота его, его сердце, возвышенность его облика. Просто, находясь с ним рядом, хотелось быть лучше, лучше во всех отношениях. Тут тот же эффект, о котором давно известно из восточной мудрости: рядом с малым учителем возникает множество вопросов, а рядом с великим всё становится ясным само собой. Становится ясным в свете Лучей высокого сознания.

Сначала мы видим свет вне себя. Затем начинаем ощущать его в себе. И позже мы сами можем излучать свет сознания и блага на окружающее. И излучать вне побуждений, без преднамеренных посылов. Излучать постоянно, как Солнце. Таким солнценосцем и был Юрий Николаевич.

Тут можно задаться вопросом: сколько надо времени, чтобы этот огонь сознания носителя Света зажгёт другое сознание? Нужны ли десятилетия общения, годы, месяцы, дни? Сама жизненная практика показывает, что достаточно мгновения. Мгновение и вечность сходятся. Мгновение прикосновения к свету на века изменяет сознание, если оно готово к этому. Если у нас в руках есть незажжённые свечи и к ним прикоснётся кто-то горящей свечой, то загорятся наши свечи мгновенно. Величайшее благо, величайший дар, величайшее действие есть отдача другому света своего сознания, огня своего духа. Это — величайшая жертва. Во имя совершенствования ближнего, совершенствования окружающих приносится в жертву всё то, чем носитель света жив сам. В этом — священные узы

Л.Р. Цесюлевич. ЮРИЙ РЕРИХ. 2012

Учителя и ученика. С древнейших времён именно такое обучение, воспитание, просвещение ценилось как истинное. Высшее действие воспитания — отдача духа своего ближнему своему. Жертва. Жертва, уносящая множество сил сердца, психической энергии, жизни.

Один конкретный пример — Зинаида Григорьевна Фосдик рассказывала, как один момент перевернул всю её жизнь. Подруга пригласила её на открытие в Нью-Йорке выставки картин Николая Рериха, до того ей совершенно незнакома. И там, увидя несказуемую красоту Елены Ивановны и Николая Константиновича, она загорелась сердцем так, что поняла, что пойдёт с этими людьми всегда, всюду, что это и есть настоящий её путь. Прикосновение ауры к ауре. Так решила всю себя посвятить делу Рерихов.

Красота. Когда человеческое сознание живёт духовным восторгом, красота внутреннего мира светит через клетки тела и складывает их в прекрасное напряжённое сочетание, что всегда запечатлевали древние иконописцы, скульпторы, что видим мы в восточном искусстве в изваяниях Будд, Тар, Бодхисаттв.

А как проходили сами встречи с Юрием Николаевичем Рерихом?

Летом 1957 года, живя в Риге, я закончил второй курс Академии художеств. Два летних месяца у нас была практика на пленэре. В том году она проходила в живописной местности Латвии, в посёлке Лигатне. Здесь рядом своенравная, быстрая, извилистая, текущая меж высоких холмов река Гауя. Теперь знаю, что она своим характером во многом схожа с алтайской красавицей Катунью. В этом вижу некий знак будущего.

Будучи там на этюдах, мы узнали, что в Москве готовится IV Международный фестиваль молодёжи и студентов. Значит, здесь будут люди и из Индии. И у нас, группы единомышленников, родилась идея вырваться на фестиваль, увидеться с индусами, узнать, как живут Рерихи. Старшая дочь Рихарда Яковлевича Рудзитиса, Гунта, тоже собралась ехать с нами. Сам Рихард Яковлевич давал нам многие советы. Главное было — узнать что-то об их планах вернуться на Родину. Он дал Гунте адреса своих знакомых в Москве.

Руководство Академии разрешило нам досрочно

сдать работы, и мы смогли приехать в Москву. Остановились около Трубной площади, рядом с Садовым кольцом — в коммунальной квартире знакомого Рихарда Яковлевича, отдыхавшего в то время на юге. Активно стали посещать фестивальные концерты, философские диспуты, встречи в парках, где было множество иностранцев. Но наладить контакты оказалось очень трудно. Все приезжающие гости явно избегали несанкционированных встреч. Все были крайне заняты и ходили только с сопровождающими лицами. Завидя, что кто-то к ним приближается, они ускоряли шаг и старались скрыться. Дело в том, что московская молодёжь, подростки страстно коллекционировали автографы иностранцев. Если кто-то из них останавливался, то сразу вокруг него образовывалась толпа, и он, пока не распишется на всех блокнотах и открытках, не мог оттуда вырваться. Такая же ситуация случилась и из-за меня, когда в парке им. Горького я наконец смог подойти к одному индусу, что было видно по его одежде, и стал спрашивать, не знает ли он что-то о жизни и планах Рерихов. Он мне отвечал нехотя и на плохо разбираемом английском языке, из чего я всё же понял, что о Рерихе он вообще-то слышал, но эта сфера жизни его не интересует. Разговор потерял смысл, но вокруг нас тут же образовалось кольцо подростков, и мой бедный индус надолго был задержан.

Так в неудачных попытках выполнить нашу главную задачу проходили дни фестиваля. Но Гунта Рихардовна звонила людям, адреса которых у неё имелись, и пыталась их посещать. Так она попала в дом врача-гомеопата Сергея Алексеевича Мухина, с давних времён знакомого с Николаем Константиновичем Рерихом и собиравшего коллекцию его картин. Мухин принял её очень дружелюбно и рассказал, что после долгого молчания получил письмо от Юрия Рериха, сообщившего, что он собирается приехать в конце следующего месяца. Письмо было от 2 июля. Это уже был какой-то конкретный результат наших поисков! Кроме того, Гунта получила разрешение от хозяина дома через пару дней прийти к нему со своими друзьями-студентами, чтобы они могли посмотреть картины его коллекции.

В назначенный день мы пришли в двухэтажный особняк за каменной оградой в центре старой части Москвы. Дверь открыл сам Сергей Алексеевич, человек небольшого роста, суховатый, с внешностью интеллигента, а может быть, и аристократа. Гунта представила ему нас. Он подал мне руку, я пожал её и по укоренившейся во мне тогда привычке пристально глянул ему в глаза. И было неожиданным и непонятным для меня то, что он тут же их отвёл, будто

избегал этого взгляда. Занервничал, как если бы его в этот момент что-то сильно встревожило, быстро поздоровался с моим другом и однокурсником Эдуардом Грубе и прошёл с Гунтой вглубь просторной прихожей, по сути — зала, на ходу жестом приглашая нас смотреть картины.

Ещё в Риге, дома у Рихарда Рудзитиса, я видел монографии Николая Рериха и любил подолгу рассматривать их. Меня очень впечатляли ранние его работы, посвящённые теме древних славян, впечатляли как воспоминания о чём-то, что было и было значительным. Отправляясь в гости к Мухину, я уже знал, что в его коллекции картины именно из славянского цикла, и готовился увидеть их в оригинале. И здесь, только глянув, я их сразу узнал, но было странно, что они показались мне потемневшими. Было ли это так или только казалось из-за слабого освещения, я не стал выяснять. Меня сразу потянуло к моей любимой картине «Поморяне. Утро». Я начал её рассматривать, и она меня сразу заворожала. Да, действительно, в ней как бы очень просто показана незамысловатая жизнь наших предков, но в то же время всё наполнено атмосферой таинственности, волшебства, скрытым философским смыслом и чем-то таким, что хотелось разгадать; но разгадать не удавалось. И я долго стоял перед ней, а мой друг Эдуард рассматривал все картины по очереди. Я думал, что хватит времени ознакомиться со всей экспозицией. Но тут довольно спешно к нам подошла Гунта, сказала, что пора идти, и мы попрощались с хозяином дома.

По дороге домой Гунта взволнованно и как особую тайну сообщила, что Юрий Рерих уже в Москве, уже вернулся, поселился в гостинице «Ленинград». Мухин с ним уже встречался. И что Юрий Николаевич очень хочет увидеться с Рихардом Яковлевичем. Весть эту надо было хранить в тайне, и мы тут же решили, что один из нас завтра поедет в Ригу и сообщит об этом лично Рихарду Яковлевичу. Выполнить эту миссию вызвался Эдуард.

Через пару дней Рихард Рудзитис приехал в Москву. И на первую встречу с Юрием Рерихом, сыном своих великих Родителей, он и Гунта отправились вместе с Мухиным и его супругой. Юрий Николаевич уже получил квартиру в районе новостроек и при помощи Мухина начал её обустраивать, обставлять мебелью. В дальнейшем, после этой первой краткой встречи, у Рихарда Яковлевича были и другие очень значительные беседы с его давним другом, знакомым ещё с 1930-х годов по переписке. По вечерам он и Гунта рассказывали мне о новостях, событиях, жизни Рерихов и положении в мире в целом. Но подходи-

ло время мне возвращаться домой в Ригу, и Рихард Яковлевич решил на очередную предстоящую встречу взять и меня. Советовал мне заранее подготовить вопросы обо всём, что меня волнует. Я записал 28 вопросов. Было чувство, что приближается важнейший момент моей жизни, что я увижу великого человека.

Итак, 2 сентября, около четырёх часов дня, мы троём поднимаемся по широкой лестнице нового дома к заветной квартире. Дверь открывает женщина — хрупкая, невысокая. Одежда оранжево-коричневых тонов. Встречает нас приветливой улыбкой, вежливо приглашает войти, но вся как бы несколько отстранённая. Весь её облик, прямая, спокойная стать безошибочно свидетельствовали о воспитании и жизни в иной, чем наша, высококультурной среде.

Рихард Яковлевич снимает плащ, Гунта — тоже. Я стою в коридоре, передо мной раскрытая двустворчатая дверь в большую комнату. Снимая плащ, я огляделся, посмотрел в эту раскрытую дверь и вдруг неожиданно там, в глубине комнаты, увидел пару глаз, взгляд которых проникал внутрь самого моего существа, пронизывал меня насквозь, и я почувствовал, что всё — кто я есть, кем был и буду — этим глазам уже известно. Были только эти глаза, всё кругом заволокло молочным туманом, затихли и все звуки, я ничего не слышал из того, что говорили в коридоре. Состояние небывалое и не очень приятное. Но это длилось всего мгновение. Я попытался совладать с собой. Туман исчез. И я увидел человека в военной форме, но без погон, небольшого роста, стоящего на широко расставленных ногах и смотрящего на нас — пришедших. Я в недоумении подумал: «Это что, какой-то чужой человек в этой квартире? И что он здесь делает?»

Но у этого человека было уже совсем иное выражение лица. Пронзающий взгляд исчез, как не был. Вместо него уже сияла чудная, дружеская улыбка. Человек решительным шагом приблизился к нам. И только тут мой мозг стал сознавать, что это и есть Юрий Николаевич и что великий человек вовсе не обязательно должен быть велик ростом.

Он поздоровался за руку с Рихардом Яковлевичем, со мной и пригласил нас в ту комнату — его рабочий кабинет. Я стал всё рассматривать.

Посередине комнаты стоял массивный письменный стол, за ним на всю стену строился стеллаж для книг. Ещё не готовый, из неокрашенных досок. И Юрий Николаевич нам стал говорить, что ему в качестве столяров прислали морскую пехоту и что он недоволен их работой. «Каждый пустяк требует массу времени». Обо всём надо много раз напоминать и хо-

дить по учреждениям. «Вагон с картинами Николая Константиновича и моими книгами ещё в Одессе. Ещё не пришёл. Всё его жду». И тут же, стоя у стеллажей, стал рассказывать, что, когда его Отец тяжело болел, позвал его к себе и сказал, пусть он возьмёт себе те картины, которые ему нравятся. Дал ему объёмистую папку с 999 своими статьями с общим названием «Моя жизнь» и сказал: «Сохрани!» И Николай Константинович сообщил ему устно своё завещание: чтобы все картины передать безвозмездно Родине и «часть картин — городу, близлежащему к Алтаю».

Я про себя отметил необычное для меня слово «близлежащему» и подумал, что ведь слышу я теперь слова чрезвычайной важности. Но говорятся они будто между прочим, без акцентирования, подчёркивания. Всё просто, естественно, ясно. И есть совершенная уверенность, что слова Отца он передал точно. И ничего в его речи, да и во всём поведении не замечаю такого, что приходилось мне наблюдать в людях, считающих себя высокодуховными. Вместе с Рихардом Яковлевичем я посещал в Москве давнишних его знакомых, людей уже весьма преклонного возраста, которые, когда сообщали нам нечто из известных им философских истин, окутывали это особой таинственностью, произносили затихающим голосом и с придыханием. Рихард Яковлевич их называл «старыми духами», хотя мне уже было ясно, что старым может быть сознание, но дух, если он есть, всегда молод, нов и живёт будущим.

Затем Юрий Николаевич пригласил нас сесть. Сам он сел за свой письменный стол, напротив него — Рихард Яковлевич, рядом с ним — Гунта. Меня он посадил сбоку стола и дал мне посмотреть большую монографию Николая Константиновича под названием «Himalaya». Такой монографии я ещё не видел. Отличные репродукции, мир Гималаев, высокий взлёт Красоты Мира Духа. Листаю страницы книги и прислушиваюсь к разговору за столом. Рихард Яковлевич спрашивает Юрия Николаевича о жизни его Семьи в Индии. Зашёл разговор о последних днях Николая Константиновича, затем и Елены Ивановны. «Пусть всё будет согласно местным обычаям» — эта фраза повторялась несколько раз. Видимо, это была вообще установка в его Семье на поведение в окружающем мире. Эту фразу произносил и его Отец, когда перед уходом высказывал свою волю о его последнем пути. Эту же мысль утверждала и его Мать.

Я про себя отметил: да, ведь во всём они старались не выделять себя внешне из окружающего. И ведь то, как теперь одет сам Юрий Рерих — в гимнастёрке и брюках, в каких ходили офицеры Советской

Армии, — тоже не может быть случайностью или прихотью.

Уход с Земли и Николая Константиновича, и Елены Ивановны — несказуемое, космическое явление. Ничего в этом не было земного, хотя соблюдался традиционный ритуал. Помогали в нём буддийские ламы, очень уважающие Рерихов. Это был взлёт Пламени Духа в выси Надземные. Но об этом подробно трудно рассказывать. Юрий Николаевич отмечает: «О сокровенном на Востоке очень избегают говорить. Даже опасаются произнести сокровенное».

Я смотрю монографию великого Мастера. Прислушиваюсь к чрезвычайно важному разговору и поглядываю на Юрия Николаевича. И невольно думается: какой это в моей жизни редчайший случай, что сижу рядом с таким человеком. И столь прекрасного лица я в жизни не видел. Черты его такие же, как можно было представить по фотографиям. Волосы уже с проседью. Но какая в лице благостность и привлекательность! Кожа тонкая, прозрачная — такая бывает у юных девушек, выросших на лоне чистой природы: лоб белый, щёки слегка розовые. Густая, но коротко стриженная борода, усы. Впечатление очень здорового, юного лица. Но кого же он мне сильно напоминает? Да — русских князей, героев былин, тех прекрасных людей, полных сил и мужества и одновременно нежных, любящих, скромных. Ведь парадокс — из Индии, но исконно русский, речь чистая, правильная. Такой язык — в русской литературной классике, ни тени в нём привычной нам шелухи, искажений, сокращений, неуклюжих заимствований и бытовой серости.

Понимаю, что нехорошо так рассматривать человека, тем более наделённого особой чуткостью. Старюсь углубиться в монографию, но воспринимаю плохо. Глянул опять на него. Беседует с Рихардом Яковлевичем. Лицо такое, что кажется — излучает свет. Все черты столь ясны. Глаза карие, миндалевидные, в оправе чёрных густых ресниц. Красивые. Тут мелькнула мысль: ведь сын Елены Ивановны, её это глаза, отражение её красоты. И в это мгновение, конечно же чувствуя мои мысли, Юрий Николаевич, не поворачивая головы и продолжая беседу, метнул взгляд вбок, на меня, и чудно улыбнулся глазами, еле заметно, но так, что на душе стало благостно. Такая благодарность была к нему!

Больше смотреть я не решился. Силюсь прислушаться к разговору. «...Путь только через науку. Есть много учёных, которые в своей работе на практике реализуют Учение. Живут им».

«В чём отличие западных философов от восточных? Западные говорят великие слова, но сами живут

обычной жизнью. Восточные же сразу применяют осознанное к себе...»

«Никакой партизанщины. Я действую открыто. Совершенствование жизни, научное познание истины. На границе, когда меня спросили, что я везу, показал им первую книгу...»

«Предстоящие события, разные жизненные ситуации надо заранее моделировать, надо заранее готовить себя, чтобы ничто не застало врасплох. Всё надо делать сознательно. Если я беру с полки книгу, то для чего?»

«И надо обращать внимание на тонкие приходящие мысли. Я однажды в Монголии уже вечером сидел за столом и писал. За мной было окно, а перед столом — печь. Вдруг чувствую — врывается мысль: "Нагнись!" Я был не склонен сразу слушаться, к чему вдруг нагнуться? Потом ещё, ясно как приказ: "Нагнись!" И затем вместе с выкриком "Нагнись!" как бы какая-то рука пригнула меня к столу, и тут же прозвучал выстрел. Пуля пробила окно и застряла в печи. Потом мы искали, кто же стрелял, но никого не нашли...»

Беседу прервал звонок в дверь. В коридор вышла Ираида Михайловна, открыла. В тёмном проёме двери стоял мужчина с растрёпанными волосами, в грязном пиджаке, мятых брюках и с выдавшим виды чемоданчиком в руке, притом заметно нетрезвый — слесарь из московского домоуправления. До того характерный тип работника тогдашних ЖЭКов, что хоть снимай в кино.

Юрий Николаевич встал, подошёл к нему, стал объяснять, что плохо работает дверной замок. Рихард Яковлевич с Гунтой ушли на кухню к сёстрам Богдановым — «сестричкам», как он их называл. Я остался сидеть с монографией в руках. Минут десять слесарь что-то мастерил в замке, затем ключом один раз повернул, сработало, и сказал: «Готово». Юрий Николаевич, стоя в такой же позе, как встретил меня, по-армейски, столь решительно скомандовал: «Ещё раз!», что остаток хмеля с горе-слесаря мигом слетел, он подтянулся, выпрямился, ещё несколько раз повернул ключ в замке и покорно глянул на хозяина квартиры. Юрий Николаевич его отпустил.

От этих всего двух слов: «Ещё раз!» — я испытал восторженное потрясение. Мощь непоколебимости духа, приказ столь непреклонный, что послушаться немыслимо. И столь мощно-прекрасный тембр голоса, именно — восточный! Воля Неба и Вселенной в нём. Неоспоримость и непререкаемость силы Духа. Казалось — звучит этот голос в бескрайних степях Монголии или Средней Азии перед многотысячным войском. И без всяких средств усиления голос слышен

всем. И все, вдохновлённые Властью Духа, готовы выполнить волю Вождя, готовы идти на смерть и знают, что это Воля Высшая. Вождь — вот что явно чувствовалось в этом приказе. И каков синтез сознания этого человека, подумалось мне! Столь утончённая чуткость, столь благая ласка улыбки и столь твёрдая воля приказа Истины, не терпящая всякую расхлябанность, непорядочность, неточность, попустительство и могущая подвигнуть миллионы на подвиг. И ещё какой учёный и организатор!

Вернулись из кухни Рихард Яковлевич с Гунтой, с ними пришла и Ираида Михайловна. И, как всегда, улыбаясь, пригласила всех к столу ужинать.

Столовая небольшая, рядом с кухней, а за ней виднелась ещё одна комната — «сестричек». Юрий Николаевич занял место на дальнем торце стола, слева от себя пригласил сесть Рихарда Яковлевича, я сел справа от Юрия Николаевича, рядом со мной — Гунта. Ираида Михайловна подавала на стол, временами садилась к столу и участвовала в ужине, старшая её сестра, Людмила, к столу не садилась, только подносила блюда, обслуживала и опять уходила. Она была почти незаметна. Её как бы не было. Скромно одета, на голове плотно повязана косынка. Было только то, что она делает. Я тут же подумал — восточная женщина, ничего в ней нет личного, только служение нужному делу.

Сначала подали салат, затем суп и потом — чай. За столом Юрий Николаевич продолжал вести беседу. Начал разговор с понятия героизма. Без героизма, без уважения, любви к героям, без жажды стать героем народ развиваться, двигаться в будущее не может. Жизнь пуста без героя. Есть такие страны, и они не развиваются. Но в русском народе и героизм, и подвиг ещё живы. В основе смысла русского слова «подвиг» — жертвенность. Но такого понятия в других языках нет. Они с Отцом пытались найти в иных языках аналог этому слову, который бы точно соответствовал ему по внутреннему смыслу. Но тщетно, такого нет. В некоторой мере близко слово «heroism», но и оно не передаёт истинной сути.

В потенциале у русских людей этические основы заложены. «Если человек морален, он таким и будет, учи его или не учи. Сделать моральным нельзя, так же как и храбрым. Но связь подвига с Культурой ещё не утвердилась в сознании».

Много примеров героизма и подвига русские люди показали в минувшей Великой Отечественной войне. Когда вражеские войска пытались окружить Москву, они дошли только до Троице-Сергиевой Лавры, до Загорска, но взять его не могли. Юрий

Николаевич вспоминал, что видел картину какого-то советского художника, где изображено, как отряд конницы готовится к бою, а за ним видны купола Троице-Сергиевого монастыря. Напомнил нам и то, что у Николая Константиновича есть картина «Сергий Радонежский», на которой написано, что Сергию Радонежскому суждено трижды спасти Россию... Видно было, что очень дорого его сердцу это произведение.

И далее — разговор о современности. «В русской молодёжи есть искания, есть интересы, она самостоятельно мыслит. И молодёжи нужен патриотизм. Жаль, что его мало. Он может потребоваться. Пусть молодёжь крепнет, накапливает опыт, и всё придёт. Пусть готовятся, работы всем хватит, все пригодятся...»

«В современных условиях лучше личные беседы. Для собраний необходимы серьёзно подготовленные люди. Время лекций, докладов частично ушло в прошлое...»

На Западе, продолжал Юрий Николаевич, очень велик страх перед Россией. Сам он в этом сколько раз убеждался. И с неповторимым, только ему присущим юмором стал рассказывать об этом показательном случае. В 1950-е годы он летел на самолёте из Лондона в Париж. Читал научную книгу на французском языке. От скуки, навеянной монотонностью полёта, сидящая рядом дама спросила его, на каком языке он читает книгу. Он ответил, что на французском. Она удивилась: «И Вы понимаете по-французски?» Затем, тоже не зная, чем заняться, на задних рядах пассажиры стали рассуждать о том, какие страшные, жуткие и ужасные люди эти русские. В эти пересуды втягивались всё новые люди, поддерживая все эти страхи и добавляя свои некие примеры. Но вдруг один мужчина спохватился и с опаской произнёс: «Надеюсь, что среди нас нет ни одного русского?» И тут Юрий Николаевич спокойно и уверенно сказал: «Я русский!» Невозможно описать, какая паника началась в салоне. Все повскакивали с мест, кидаясь к выходу, и первой кинулась та дама, которая удивлялась, что он знает французский. Самолёт начал терять равновесие, но, к счастью, уже сиделся на аэродроме. Когда спешно подали трап, все бегом покинули самолёт, а Юрий Николаевич, не торопясь, спокойно вышел из него последним. И, завершая этот рассказ, он очень заразительно смеялся.

Затем разговор коснулся темы возвращения и его, и Родителей на Родину. Отец все годы до войны и после неё стремился получить разрешение вернуться, хотел всё своё достояние передать русскому народу. В 1947 году виза наконец была получена, но в это время Николай Константинович тяжело заболел.

После его ухода визу уже не давали. Но в последние дни его жизни, у его постели, и Юрий Николаевич, и брат Святослав свято обещали при первой возможности вернуться в Россию и исполнить его завещание. И Елена Ивановна, «Матушка», как он её называл, все последующие годы предпринимала шаги для получения визы и возвращения на Родину.

Ему же разрешение вернуться получилось как бы само собой. Как бы всё было уже подготовлено для этого. Существует Ахамкара — сила, формирующая события. Когда Никита Хрущёв и Николай Булганин приехали в Индию, Юрий Николаевич встречи с ними сам не искал. Работал в Тибете по своим научным делам. Губернатор штата, куда направлялись высокие гости, поручил Святославу Николаевичу организовать комитет для их встречи. И Святослав Николаевич провёл целый день с этими государственными мужами. Говорил и о брате, о его желании вернуться на Родину. Булганин сказал, пусть телеграфирует брату, и назначил встречу в Калькутте.

И дальше Юрий Николаевич с присущим ему юмором стал рассказывать нам, как это происходило. Добраться до дворца махараджи, где остановились знаменитые гости из России, было невозможно. Все прилегающие улицы и площадь были забиты людьми, жаждавшими хотя бы мельком увидеть выдающихся русских людей. Ждали их появления, волновались, шумели. А Юрий Николаевич пытался на такси проехать через площадь к дворцу, но толпа не пускала. Полицейские тщетно пытались помочь. Тогда Юрий Николаевич вышел из машины, встал на ступеньку, чтобы его было хорошо видно, и на языке хинди громко и внятно обратился к толпе с просьбой дать им проехать. И это произвело удивительный, неожиданный эффект. Все сразу обратили на него внимание, тут же образовали коридор для проезда, приветствовали, улыбались, махали ему руками и даже высказывали упреки правительству — отчего же столь видный гость, знаменитый маршал, должен ехать на такси.

А всё дело в том, что с момента приезда советских руководителей все газеты Индии печатали портреты Хрущёва и Булганина. Лица их были всем знакомы. И Юрий Николаевич показался собравшейся толпе столь похожим на Булганина, что его приняли именно за одного из тех великих и знаменитых руководителей России, которых они так жаждали увидеть. Толпа была крайне довольна, что её столь долгое ожидание увенчалось успехом и они одного великого русского увидели. При этих словах Юрий Николаевич поглаживал свою бородку, похожую на булганинскую, и весело смеялся.

Толпа действительно была права: она лицезрела великого русского.

И очень просто Юрий Николаевич получил аудиенцию, и все вопросы возвращения в Советский Союз были решены. И тут он отметил, что с высшими руководителями можно быстро решить проблемы, низшие же чины всегда создают препятствия, волокиту, и до них трудно добраться. Он неоднократно встречался с Джавахарлалом Неру, который, несмотря на то что был очень занят, всё же всегда находил время для встречи.

Потом, уже живя в Москве, когда в министерствах и других учреждениях чинились ему препоны, Юрий Николаевич шёл к Хрущёву, и решение находилось. Но инерция сопротивления всему, что он должен был свершить на Родине, в разных имеющих власть структурах на всех этапах всё же была весьма сильна.

Далее Юрий Николаевич рассказывал, что во время визита в Индию Хрущёва и Булганина посольство Советского Союза просило и его, и Святослава Николаевича показать советским руководителям индийских йогов, которыми особенно интересовался Никита Сергеевич. И они собрали группу людей, которые продемонстрировали знаменитым гостям свои достижения. Среди таковых были наезд на лежащего человека, на заранее положенный на него помост, легкового автомобиля и ряд иных номеров. Всё это, объяснял тогда советским людям Юрий Николаевич, не мистика, а реальное развитие скрытых в человеке возможностей. Это результат долгих тренировок и сильной воли. Всем этим должна заниматься наука.

Тут Юрий Николаевич вспомнил, что, живя ещё в Лондоне, он с другом посетил квартиру одного человека, который умел подниматься в воздух. Человек сел на стул и медленно поднялся к потолку. Юрий Николаевич хотел его стянуть вниз, подпрыгнул и ухватился за ножку стула. Но ничего не получилось, ибо он тоже завис в воздухе. Это просто перемещение гравитации.

После некоторой паузы, когда меняли на столе блюда, Юрий Николаевич глянул на меня и будто именно для меня стал рассказать о следующем эпизоде своей жизни. Когда все они жили в Кулу, одно время к Николаю Константиновичу каждый вечер приходил известный йог, и они в его кабинете долго беседовали. Заходить к ним было строго запрещено. Но в обязанности Юрия Николаевича входило принимать гостей, приходящих в их дом, а вечером, когда все уходили, закрывать дверь на ключ. После этого уже никто не мог ни войти, ни выйти из их дома. Но ситуация была такова, что в определённое время он

встречал и впускал в дом приходившего к Отцу йога, а из дома тот не выходил. В установленный поздний час Юрий Николаевич закрывал на ключ дверь, и куда девался этот йог, было непонятно. А на следующий день этот человек опять являлся и Юрий Николаевич провожал его к Отцу.

Однажды вечером, проходя мимо кабинета Отца, он не выдержал, широко распахнул дверь и заглянул. И тут же упал, потеряв сознание. Очнулся он только утром. Отец на руках отнёс сына в его комнату и уложил в постель. Утром сказал только пару слов: «Вот видишь, как ты себя травмировал». А увидел Юрий в тот момент человека, проходящего через стену и тающего в пространстве. Рассказав об этом, Юрий Николаевич заметил, что до сих пор не знает, правильно ли он тогда поступил. И посмотрел на меня, явно ожидая ответа именно от меня. Но я сам не мог решить, ибо, с одной стороны, был нарушен запрет Отца, и это плохо, но, с другой стороны, он обрёл ценный опыт, увидев редчайшее явление. И я не знал, что сказать. Так и осталось это без ответа.

А Юрий Николаевич поведал нам ещё одну историю, которая случилась с его знакомым махараджей. Этого уже немолодого человека назначили возглавлять один из штатов. А согласно существующему в Индии правилу, если в этом штате есть отшельник, то приступающий к своим обязанностям новый махараджа первым делом должен прийти к нему и получить наставления, как управлять этой территорией. И прийти он должен один, без сопровождающих, пешком и по паролю подойти к отшельнику. Сказан был ему пароль: «Умой руки водой».

И когда этот человек в знойный день преодолел пешком дорогу до той местности в горах, где обитал отшельник, и уже стоял у подножия указанной скалы, он почувствовал, что некая невидимая стена не пускает его дальше. И тут он вспомнил о пароле. Но, к его ужасу, он забыл взять с собой воду. Идти обратно за водой долго, и сил уже нет, но и не встретиться с отшельником тоже нельзя. Так он в растерянности стоял некоторое время и вдруг увидел, что по воздуху сверху к нему спускается медный кувшин и становится у его ног. Он понял — это благосклонность отшельника. Умыл руки водой, и, как только поставил кувшин на землю, тот поднялся и медленно исчез за крутым утёсом. И пройти дальше уже было возможно. Поднявшись выше, он на площадке горного уступа увидел сидящего в позе лотоса отшельника и тот же кувшин перед ним. И состоялась их беседа.

Юрий Николаевич опять подчёркивал, что в основе йогии лежит сила мысли, стойкость воли и раскрытие

Ю.Н. Рерих во дворе своего дома. Москва. 1957 — 1960

непознанных возможностей человека. Это именно наука. Но для таких достижений требуется очень много усилий и времени.

В качестве примера мы слышали рассказ о ваю-йоге. Есть такая йога — «ветренная». Очень долгими упражнениями люди приучают себя двигаться прыжками. Это получается быстрее, чем бег. Именно такими йогами были гонцы, в старые времена очень быстро доставлявшие письма в отдалённые места Тибета. Двигаются ваю-йоги в состоянии транса. Их нельзя окликать, отвлекать. Однажды рано утром в Дели, прогуливаясь в парке, когда людей там почти нет, Юрий Николаевич увидел вдали человека, как-то странно, но быстро приближавшегося к нему и промчавшегося мимо. Это оказался знакомый йог, приехавший в столицу на конференцию и, чтобы не потерять навыков, упражнявшийся в парке. Так он потом пояснял Юрию Николаевичу.

Ужин уже заканчивался, подали чай. Юрий Николаевич, как хозяин дома, протягивает сахарницу Рихарду Яковлевичу, Гунте и затем мне. Я не очень

ловко беру ложечкой рафинад, и тут Юрий Николаевич, видимо решив уделить внимание мне, спрашивает: «Как вам понравился фестиваль?» Я ответил, что идея его хорошая — укрепление дружбы и мира, но среди молодёжи, которая приехала, много развязных и демонстративно нескромных людей. «Есть люди-тени, — оживлённо ответил он. — И Николай Константинович говорил, что перед сменой рас появляются люди-тени, тени прошлого». И прибавил, что Отец написал картину на эту тему — «Тени прошлого». А затем поинтересовался: «Вы учитесь?» Я ответил, что закончил второй курс Академии художеств. «Прекрасно, искусством можно облагородить своих товарищей», — сказал Юрий Николаевич. Я же в своём юношеском максимализме считал, что если облагораживать, то уж всё человечество. Только потом я понял, как тонка прослойка культуры и как трудно повлиять на сознание масс.

Юрий Николаевич заговорил о живописи. «Многие художники не видят цвета в природе. Потому они и не признают искусство Николая Константиновича. Им кажется, что таких красок в жизни не бывает. Например, им кажется, что лес вдали серый, когда он на самом деле синий. Вот Чуйков побывал в Индии, писал в Гималаях и увидел цвет. Работает цветом. Его картины выделяются...»

Затем он повернулся ко мне и как-то очень серьёзно сказал: «Вот окончите свою Академию и поезжайте на Алтай». Это было для меня уж совершенно неожиданным. Я даже толком не знал, где этот Алтай и зачем туда ехать. На моём лице, видимо, отразилось замешательство, ибо Юрий Николаевич продолжил: «Нет, нет, я вам серьёзно советую, поезжайте на Алтай. Там и климат лучше. Я сам бы поехал. Силою гнаться не надо, но при случае не откажитесь поехать. Алтай и Монголия — это решено».

Я опять про себя отметил — это формула действия. Когда условия созрели, надо чувствовать момент Ахамкары, когда путь готов. И не только эти ненавязчивые советы, как действовать в разных жизненных условиях, которые были приняты в семье Рерихов, как это: «При случае не откажитесь...», я уловил. Я стал замечать и другое: среди этой вроде бы произвольной мозаики рассказов, иногда кажущихся малозначительными, Юрий Николаевич проявляет и нечто такое, о чём я раньше уже читал, но чего в жизни никогда не наблюдал, — восточный метод ведения беседы. Среди обычной речи он вдруг вставлял, несколько не акцентируя и не подчёркивая, и нечто, имевшее чрезвычайное значение, как, например, «Алтай и Монголия — это решено».

И тут он стал рассказывать об Алтае, как они там были, какая там чистая природа, как прекрасны горы, что народ живёт по законам древнего благочестия. И о крепком сибирском характере. Что сибирские дивизии в Великой Отечественной войне отличались стойкостью. И для художника в тех краях — широкое поле деятельности. Последовал рассказ об эпизодах пребывания их на Алтае. Юрий Николаевич в уймонских краях снимал кинокамерой — и древние постройки, и быт старообрядцев, и самих крестьян. И объяснял им, что потом они будут у них дома «по стенке бегать». Но никак уймонцы не могли понять, как это они будут «по стенке бегать».

Продолжая говорить об Алтае и Сибири, вспомнил, что ещё его Отец, проезжая по этим местам в 1926 году, говорил, что молодые силы России двинутся на освоение целинных земель, на строительство будущего на этих просторах. Если бы был где-то там институт востоковедения, он сам бы туда поехал.

Во всём, что он говорил, чувствовалась его искренняя, истинная любовь к России и не только вера, но и убеждение в прекрасном будущем его Родины.

Сидя за этим столом, слушая Юрия Николаевича, я подумал, что ведь это момент чрезвычайный в моей жизни. В такой высококультурной обстановке, рядом с таким человеком я впервые, и подобающе ли я себя здесь веду? И тут с ужасом заметил, что механически, как это принято в студенческой среде, ступни своих ног я загнул за ножки стула. Я немедленно поставил их чинно рядом. И решил посмотреть, как держит ноги мой собеседник. Быстро, украдкой глянул и с изумлением заметил, что у него ступни ног загнуты за ножки стула точно так же, как минуту назад были у меня. А Юрий Николаевич, продолжая беседовать с Рихардом Яковлевичем, облокотившись о стол, держа чашку чая обеими руками за края, как пиалу, и неторопливо попивая горячий чай, всё же метнул на меня быстрый взгляд своих чудных глаз, и в них была добрая и несколько озорная улыбка. Ведь всё чувствует, все мысли читает! Уловил же мою мысль о неловкости и, чтобы я не чувствовал себя неудобно, поставил ноги так же как я. И ещё я понял, что он не терпит, чтобы кто-то в его присутствии чувствовал себя ниже, невоспитаннее, хуже. Истина велика, перед ней все равны, все должны идти к ней, не думая о различиях.

Рихард Яковлевич задал вопрос о еде, о диете, о том, что полезно, заметив при этом, что ведь на высотах еды надо меньше. Юрий Николаевич эту мысль подтвердил и вспомнил о своём друге, друге всей его Семьи, йоге Карма Дордже, который приучил

себя питаться только водой и мускусом. Дважды жил у них в Кулу. Теперь поселился в пещере около Эвереста. Для такой жизни нужны долгие упражнения. Есть и такие обитатели пещер, отшельники, которые питаются только водой и праной. Отметил, что есть особый Ашрам на границе с Монголией, где учат такой дисциплине. И затем добавил, ничем не акцентируя, что ныне действуют четыре Ашрама, признёс неизвестные мне восточные названия, которые я не мог запомнить, а записывать в блокнот при нём было неудобно. Я запомнил только: «Один на западе... другой — у Эвереста, третий у Таши... четвёртый...» Про себя я отметил: опять чрезвычайно важная «вставка».

Позже, после встречи, уже дома, мы с Рихардом Яковлевичем и Гунтой делились тем, что услышали, поняли, и оказалось, что я многое не воспринял из понятого ими, а многое не уловили и они, в том числе и эти слова о четырёх Ашрамах. Верно было давно сказано, что человек видит и слышит то, что знает, к чему обращено его сознание.

Но ещё там, за столом, я задумался об этом необычном человеке: ведь какой учёный, знаток десятков языков, видевший в реальности очень многое в мире, философ, но нет у меня чувства подавленности его авторитетом. Доступность, ясность, дружелюбность, чуткость, но главное, пожалуй, — всё покрывает любовь. Легко с ним. Величие сопряжено с простотой, человечностью. И никакого в нём чувства собственного величия. И никакого намёка на скрытые от непосвящённого тайные знания. С ним рядом не почувствуешь себя недостойным, не доросшим до знания великих Истин. Всё открыто, всё возможно. Новизна, молодость, радость, жизненность.

И всё же — не так всё просто. Ощущение такое, что сознание его проникает все сферы человеческой жизни, всё ему близко и дорого, всё интересно, во всём этом он живёт реально, но в то же время уходит ввысь в необозримые глубины явлений и космических Истин. И объединены в нём все пласты реальной, единой великой Жизни. Неописуемо словами прикосновение к его сознанию. Это надо лично ощутить.

И теперь я у него. Надо использовать этот случай для выяснения главнейших вопросов. И я решился. В те годы самой страшной была угроза мировой термоядерной войны. Я приходил в ужас, реально представляя её. Я спросил: «Будет ли мировая термоядерная война?» Юрий Николаевич ответил сразу, определённо: «Нет, мировой атомной войны не будет. Будут локальные столкновения. Мировая война будет удержана. Но катаклизмы неизбежны».

Встреча явно завершалась. За окном закатное солнце ярко, золотым светом освещало широкие московские дали со множеством строений. Небо было безоблачным и будто бы прояснённым. Казалось, в его бескрайних пространствах и глубинах уже живёт то, что будет. Будто виделись неизвестные ещё, но благодатные пути, долгие годы труда в мирной, но не лишённой трудностей жизни. Было чувство, что всё грядущее уже сложилось благодаря этой встрече с Юрием Николаевичем.

Все вопросы, которые я заранее заготовил, стали ясными сами собой. На самый главный из них ответ уже был. И вся дальнейшая жизнь, все пройденные десятилетия после той незабываемой встречи складывались так, как предвиделось тогда, рядом с великим сознанием того, кто стал для многих и для меня истинным учителем жизни.

Гости вставали из-за стола, неторопливо собирались домой. Юрий Николаевич минуту молча постоял, задумался. И, тяжело вздохнув, сказал: «Если бы Отец и Мать были здесь!»

Потом, в коридоре, мы прощались. Юрий Николаевич подал мне руку, крепко пожал мою. Я заметил, что ладонь у него небольшая, прямоугольная, но очень гармонично сложенная и сильная.

Позже ещё были встречи с Юрием Николаевичем, но короткие, эпизодические. 29 августа следующего, 1958 года в Ленинграде открывалась выставка картин Николая Рериха. Там, в залах Русского музея, мы ещё несколько раз виделись, могли недолго, среди массы людей, поговорить, и — это всё. Юрий Николаевич уже стал очень востребованным, очень желанным многими, сам был чрезвычайно занят и, нельзя этого скрыть, очень устал от разных дел и встреч, так что истинные друзья, к которым относился и Рихард Рудзитис, даже должны были сдерживать попытки многих людей непременно повидаться или побывать дома у сына Елены Ивановны и Николая Константиновича.

Он выполнил свою миссию. Он вернул России имена её великих людей, чрезвычайно любящих свою Родину, имя его Матери и имя его Отца, принёсших ей Знание, Культуру, Искусство, Красоту.

В мае 1960 года невозможно было поверить в столь ранний и внезапный его уход. В сознании он оставался живым. Казалось, ещё много будет встреч. Хотелось с ним вместе работать, путешествовать, сражаться.

Окончив Академию художеств в 1961 году, я, молодой художник и преподаватель, был призван в армию. Когда приближался срок демобилизации, всё явственнее стали звучать в душе слова Юрия Никола-

евича: «При случае не откажитесь поехать...» Такой случай представился. Демобилизовавшись, можно было отправиться в любую точку Советского Союза. Я выбрал Барнаул.

И знаменательно — приехал в этот совсем для меня незнакомый город 25 декабря 1963 года, в день Рождества по новому стилю. И в ночь после первого дня пребывания на заповедной алтайской земле опять была встреча с Юрием Николаевичем.

В середине ночи я очнулся от сна и сразу подумал — он очень значительный, надо запомнить. Старался не уснуть и в уме многократно его повторял.

А было так. Я стоял посреди бескрайней степи. Такой в жизни никогда не видел. Вокруг меня во все стороны и до горизонта, как море, но ровное-ровное, без малейших намёков на холмистость, простиралось колоссальное поле ярко-зелёной травы, сочной, молодой, густой, ещё невысокой, без сорняков и кустарников. Было утро, безоблачное весеннее утро, солнце уже встало и светило мне в лицо. Я стою и смотрю на этот необычайный пейзаж — необъятную зелёную даль. На душе чувство новизны и вдохновения. Вдруг замечаю, что рядом со мной, слева, как мы тогда сидели в его квартире, — Юрий Николаевич.

В сером костюме, энергичный, полный жизни. Минутку постояв, не глядя на меня, он начинает шагать, минув меня, армейским строевым шагом, чётко, будто отмеряя участок земли. На некотором расстоянии сделал резкий ровный поворот, что свидетельствовало о идеальной его военной выучке, и зашагал дальше. Бодро, решительно. Дошёл до определённого места, точно такой же поворот — и до следующего угла, очертив таким образом ровный квадрат на бескрайнем этом поле. Затем подошёл ко мне вплотную, очень серьёзно глянул мне в лицо и — исчез.

Сразу, тогда же ночью, я подумал: это поле моей деятельности. Квадрат — символ материи и жертвы. Работа в конкретных условиях. Но ведь была и вдохновляющая зелень молодой травы в контражуре утреннего света.

Как предвиделось тогда, в квартире Юрия Николаевича, и как образно предвещал этот сон, так и миновали десятилетия.

Встреча была, по сути дела, только одна, один вечер, как одно мгновение, когда там, за окном, — солнцем освещённая Москва и за ней безбрежные горизонты будущего. Но останется она в моём сознании навечно.

Н.К. Рерих. БУМ ЭРДЕНИ. 1947

«Сейчас пишу "Бум Эрдени поражает девятиголового чёрного мангуса*" — монгольское сказание».

Н.К. Рерих. Из письма от 1.11.1946

«"Бум Эрдени" — богатырь на вершине горы сражается со страшной многоглавой гидрой-драконом. У неё девять голов, и все они угрожают мирным людям. Внизу селение. А он выступил и уже воткнул копьё в горло страшного дракона. Героическая борьба добра со злом — одна из главных тем Рериха».

Н.Д. Спирина. Образы Рериха

«В картине "Бум Эрдени" богатырь, вздыбив коня, поражает копьём разъярённого дракона. Горячие, как огонь, и холодные, как лёд, краски картины сошлись, подобно её персонажам, в яростном бою».

А.Д. Алёхин. Творческий метод Н.К. Рериха

«Народные легенды, сказания получают своё поэтическое выражение в картинах Рериха. Композиция "Бум Эрдени" показывает бой сказочного героя с гидрой. В этой картине своеобразно использованы композиции древнерусских икон, в которых так выразительно и красочно изображался Георгий, сражающийся со змием».

Ю. Осмоловский. Великий русский друг Индии

* Мангус — в монгольской мифологии огромное многоглавое чудовище, живущее на краю земли, с которым ведут борьбу различные герои, в том числе Гесэр-хан.

Ольга ОЛЬХОВАЯ

«Будем неутомимо трудиться на Указанном Пути»*

Часть I

Пора научиться ценить своих великих людей, выражающих национальный гений. Не массы слагают историю и славу страны, но её великие люди.

Е.И. Рерих

На Валдайской возвышенности в 135 км от Великого Новгорода раскинулся живописный окуловский край. История его заселения уходит корнями в далёкое прошлое. Окуловские земли отмечены пребыванием многих известных людей — здесь жил и работал Н.А. Римский-Корсаков, бывал Л.Н. Толстой, дивная природа этих мест вдохновляла И.И. Левитана. В начале XX века в окуловском крае проводил археологические раскопки Николай Константинович Рерих, исследуя сопки, курганы, жальники. В экспедиции, помогая Николаю Константиновичу, была и его жена Елена Ивановна.

Здесь же, в деревне Окуловка, 16 августа (3 августа по старому стилю) 1902 года родился их старший сын — Юрий Николаевич Рерих, будущий выдающийся учёный-востоковед, талантливейший лингвист, историк, этнограф, археолог, искусствовед — человек энциклопедических знаний. Место рождения Ю.Н. Рериха отмечено памятником.

Он был единственным из семьи Рерихов, кому удалось после сорока лет жизни за рубежом возвратиться на Родину. Юрий Николаевич Рерих ушёл из жизни 21 мая 1960 года. Его прах захоронен в Москве на Новодевичьем кладбище, где установлен памятник, автором которого является его брат Святослав Николаевич Рерих.

Эти два памятника, символизирующие приход в жизнь и уход из неё Юрия Николаевича Рериха, словно две вехи, между которыми 58 земных лет — таким был срок его жизни.

Среди всего написанного и сказанного о семье Рерихов — меньше всего информации о Юрии Николаевиче. «Он долгое время оставался несколько в тени большой известности и славы своего отца — Николая Константиновича и младшего брата — Святослава Николаевича». Это объяснимо, ведь Юрий Николаевич был учёным, и область его исследований связана с определёнными направлениями науки — востоковедением, историей, лингвистикой и другими, не представляющими большого интереса для широкого круга людей. Другая сторона жизни Юрия Николаевича — его жизненный подвиг, подвиг воина Света — известна только тем, кто изучает рериховское наследие.

При внимательном рассмотрении жизненного пути Юрия Рериха складывается впечатление, что путь этот был заранее предопределён, словно с детства перед старшим сыном Рерихов была поставлена некая задача, которую ему предстояло решать в течение всего времени, отпущенного ему на земле. И эта задача выходила далеко за рамки его необыкновенно плодотворной научной деятельности, хотя и о ней тоже известно гораздо меньше, чем о культурной деятельности других членов легендарной семьи Рерихов.

Несмотря на то что профессиональным живописцем стал младший брат — Святослав Николаевич, талант художника унаследовали от отца оба сына. Живописные и графические работы Юрия Николаевича, выполненные в школьные годы, говорят о его большом художественном даре. Е.И. Рерих писала, что «любимыми книгами Юрия, когда ему было

Памятник Ю.Н. Рериху в Окуловке

На Новодевичьем кладбище

* Рерих Ю.Н. Письма. Т. 2. М., 2002. С. 270.

Ю.Н. Рерих. 1918

года два-полтора, были каталоги музеев и выставок»¹.

Интерес к истории, тоже проявившийся в раннем детстве, рос с каждым годом. Сохранились стихотворения, написанные Юрием Рерихом в возрасте 10 – 12 лет. Их названия говорят сами за себя: «Предания», «Каменный витязь». Тема реферата десятилетнего гимназиста по истории — «Покорение Новгорода», а в 14 лет он пишет статью «Борьба королей с феодалами во Франции».

Крепнет и обозначившийся уже в детстве смелый и независимый характер Юрия Николаевича. В 1918 году, находясь в Карелии, Рерихи по приглашению ученика Николая Константиновича Вадима Диганова всей семьёй совершили путешествие на острова, расположенные в пустынных местах Лапландии, где наблюдалось много загадочных явлений. В своём дневнике Николай Константинович отметил: «Юрий был молодцом, он, я видел, преодолел страх. Он хотел узнать, а потом, если удастся, понять! Горжусь своим старшим — он в меня. И в маму».

Забегая вперёд, скажем, что все дальнейшие события в жизни Юрия Николаевича только подтверждали этот вывод его отца. Пройдёт всего семь лет, и именно на своего старшего сына, не взирая на его молодость, Николай Константинович возложит ответственность за охрану экспедиционного каравана, а значит, доверит ему жизнь людей и судьбу экспедиции.

И когда, пересекая пустыню Гоби, они шли по местам, где орудовали грабители, и караван неожиданно оказался прямо перед крепостью разбойника Дже-ламы, одно имя которого наводило ужас на местное население, Юрий Николаевич — разведкой — войдёт в неё первым, в сопровождении только одного участника экспедиции. К счастью, крепость была пуста.

И подобных эпизодов в жизни Юрия Николаевича было немало. Т.Я. Елизаренкова вспоминала рассказы Ю.Н. Рериха о его жизни на Востоке. Когда ему понадобилось сделать ряд исследований в Сиккиме, правитель княжества встретил его довольно настороженно. Мы не знаем, знакомо ли было сиккимскому князю знаменитое швейцарское сказание о Вильгельме Телле, жившем в конце XIII века, но он предложил Юрию Николаевичу довериться мастерству своей жены, которая была непревзойдённым стрелком. «На голову ему положили яблоко. Женщина прицелилась, и через мгновение стрела пронзила яблоко, сбив его с головы Юрия Николаевича. После этого испытания ему разрешили заниматься исследованием страны. Такой ценой пришлось добыть доброе к себе отношение и полное доверие!»²

Говоря о смелости Юрия Николаевича, его независимом характере, так ярко проявившемся в сложнейших условиях экспедиции, скажем и о его решительности в период борьбы с Л. Хоршем и его компанией. В результате махинаций Хоршем была присвоена огромная коллекция картин Н.К. Рериха, подаренная художником американскому народу. В Америке начался судебный процесс, освещавшийся прессой. Укрепляя дух американских друзей, Юрий Николаевич пишет Зинаиде Григорьевне Лихтман: «В последних письмах от Вас всех много говорится о возможности сэттлмента [урегулирования]. Мне хочется изложить Вам свои соображения по этому поводу. Быть может, они пригодятся Вам. (...) Вам послан по воздушной почте наш ответ на все пункты, и Вы увидите, что у нас достаточно документов доказать всю вздорность их обвинений. Думаю, что нельзя терять этой возможности разбить врага хотя бы на этом секторе. (...) Быть может, кому-то вопросы чести не представляют значения, но я должен сказать, что честь моего отца и репутация имени являются для меня той основой, от которой отказаться я не могу, и в этом вопросе ни на какие компромиссы не пойду. Сейчас или в некотором будущем всем этим газетным писакам и иже с ними будет отвечено, и так отвечено, что разгром их войдёт в историю как позорная страница современного хамства. Прошу иметь это в виду, и что в этом деле затронут не только один Н.К., но и мы, его сыновья. ...Вопросы чести не должны быть приносимы

¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 1. М., 1999. С. 238.

² Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. Новосибирск, 2002. С. 38.

в жертву Молоху и другим заокеанским божествам. Это моё личное мнение. К сожалению, в Америке недостаточно понимают природу клеветы и, увы, значение чести»³.

Свои незаурядные способности Юрий Рерих развил, обучаясь в нескольких университетах мира. Первым высшим учебным заведением для Юрия Николаевича стала Школа восточных языков при Лондонском университете, где он изучал санскрит на индо-иранском отделении. Его успехи были столь значительны, что он был представлен государственному секретарю по делам Индии. Как вспоминал профессор Рам Рахул, много лет возглавлявший Департамент центрально-азиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру в Дели, «можно представить удивление высокого чиновника: на кафедре санскритологии Британской империи — русский! Колониальные власти ненавидели Джорджа, изображая из него русского шпиона». По свидетельству Рам Рахула, Далай-лама — духовный глава буддистов — говорил ему, «что никто не знает Тибета так, как Джордж Рерих»⁴.

В 1920 году семья Рерихов переезжает в Америку, и со второго курса Школы восточных языков Юрий Николаевич переходит в Гарвардский университет в Кэмбридже, который заканчивает со степенью бакалавра по отделению индийской филологии. Одновременно он начинает изучение языков пали и китайского.

В письме к родителям от 5 декабря 1920 года восемнадцатилетний студент написал: «Как бы мне хотелось уехать с экспедицией куда-нибудь в Центральную Азию. Здесь, хотя я и веду очень замкнутый образ жизни, всё-таки есть признак развращённости нашего века. Да и народы тут не понимают стремления к пустынным островам. Для них Fifth Avenue является целью, а особняк на ней — раем. Мне такая психология не подходит. Начал писать новое сочинение о сборниках сказаний о прежних перевоплощениях Будды»⁵.

В восемнадцать лет Юрий Рерих — уже сформировавшийся востоковед, у которого есть свой путь в науке и много интересующих его тем. Вот строки из его писем той поры: «За последнее время я много работал над переводом на русский язык некоторых Упанишад... Занимаюсь также Тибетом, особенно же психическими способностями ламайского духовенства»⁶. «У меня уже есть тема в области истории Средней Азии»⁷.

Через несколько месяцев он с радостью пишет, что его теория в области истории скифов подтвердилась, и тут же сокрушается: «Беда только, что нужно готовиться к экзаменам, а так тянет погрузиться в научную работу над кочевниками Туркестанских степей»⁸.

Из Америки Юрий Рерих едет во Францию, где учится в Парижском университете на среднеазиатском, индийском и монголо-тибетском отделениях. Учителями Ю.Н. Рериха были выдающиеся востоковеды. По окончании Сорбонны он получает степень магистра индийской филологии. Одновременно Юрий Николаевич занимается на военном и юридическо-экономическом отделениях университета и слушает курс китайского и персидского языков.

Таким образом, к концу обучения в Париже он готов к самой широкой научной деятельности на поприще востоковедения. И судьба предоставляет молодому учёному замечательную возможность для реализации его мечты об экспедиции в Азию. В конце 1923 года Юрий Николаевич отбывает с родителями в Индию. «В сердце Ю.Н. Рериха надо искать ответ на вопрос о том, чем привлекала его кочевая Азия, изучению которой он отдал лучшие годы своей жизни, — пишет его ученик Андрей Николаевич Зелинский⁹. — В образе Гесэр-хана на вздыбленном коне, натягивающего тетиву лука на фоне пламенеющего неба (на одномимённом полотне Н.К. Рериха), он ощущал неиссякаемую силу степной Евразии, судьбы которой тесно и неразрывно переплелись с судьбами его собственной Родины. И он мог бы повторить вслед за Достоевским, что "Россия не в одной только Европе, но и в Азии... что русский не только европеец, но и азиат"»¹⁰.

В радиобеседе, посвящённой 90-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха, прозвучавшей по новосибирскому радио 16 августа 1992 года, было сказано: «О научной деятельности Юрия Николаевича нам, непосвящённым, судить очень трудно. Потому предоставим слово для рассказа о нём учёным»¹¹.

Последуем и мы этому примеру, используя для краткого обзора научных достижений Ю.Н. Рериха работы исследователей по этой теме и выводы учёных, в первую очередь — А.Н. Зелинского, не одна публикация которого посвящена глубоко чтимому им Ю.Н. Рериху. «Я благодарен судьбе за то, что Юрий Николаевич согласился быть руководителем моей дипломной работы, — вспоминал Андрей Николаевич. — Он стал моим не официальным руководителем,

⁸ Там же. С. 39.

⁹ А.Н. Зелинский — директор Центра ноосферной защиты им. академика Н.Д. Зелинского (Москва).

¹⁰ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. М., 2002. С. 34.

¹¹ Спирина Н.Д. Полное собрание трудов. Т. 4. Новосибирск, 2011. С. 358.

³ Рерих Ю.Н. Письма. Т. 2. С. 117–118.

⁴ Рериховский вестник. 1992. Вып. 5. С. 67, 68.

⁵ Рерих Ю.Н. Письма. Т. 1. М., 2002. С. 29.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ Там же. С. 36.

Ю.Н. Рерих. 1930-е гг.

но фактическим. Почему "не официальным"? Сейчас вам покажется это очень странным, но в 1960 году в Московском университете было одиозным иметь руководителем Юрия Николаевича Рериха. Потому что он приехал из-за границы, Бог знает, почему он уехал, Бог знает, почему он приехал и что за этим стоит и т.д.

А уже моим официальным руководителем был Лев Николаевич Гумилёв — сын поэтов Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. Лев Николаевич очень любил Юрия Николаевича, очень высоко его ценил, а Юрий Николаевич тогда поддерживал Льва Николаевича. Гумилёв в 1960-е годы только начинал печататься. В 1956 году он вернулся из мест не столь отдалённых; он накопил огромный материал и потенциал, но тоже ещё был на положении полуизгоя. И человеку, дважды сидевшему, было не так просто в те годы утвердить себя в нашей жизни»¹².

Зелинскому посчастливилось лично участ-

вовать в беседах Ю.Н. Рериха и Л.Н. Гумилёва о кочевнико-ведении и евразийстве. Он считает их последними яркими представителями евразийского направления русской исторической мысли.

Как учёный-исследователь с необычайно широким кругозором Юрий Николаевич Рерих сформировался во время грандиозной экспедиции Н.К. Рериха в Индию и Центральную Азию. «...Перед Юрием Николаевичем раскрылось необозримое поле для приложения накопленных знаний, позволивших ему уже с двадцати одного года начать самостоятельную научно-исследовательскую творческую работу»¹³.

Экспедиция началась в Восточных Гималаях, в княжестве Сикким — одном из древних центров буддийской культуры. Здесь молодой учёный впервые смог применить на практике своё знание тибетского языка, войти в контакт с учёными-ламами. Результатом экспедиции явилась собранная её участниками богатейшая коллекция тибетских буддийских танок, писанных на шёлке. Подробный анализ этих танок был сделан Юрием Николаевичем в его первой большой научной работе «Тибетская живопись», вышедшей в Париже в 1925 году. По мнению исследователей, этот научный труд, завершённый Юрием Рерихом в возрасте 23 лет, уникален, так как других подобных работ ни тогда, ни в наши дни написано не было. Книга помогает разобраться в буддийской символике, структуре пантеона, сути многих понятий буддийской философии. Одно из самых существенных её достоинств — сочетание глубокой научности и популярности изложения. Спустя десятилетия переиздание этого исследования, осуществлённое Международным Центром Рерихов в 2002 году, высоко оценит Далай-лама XIV.

С 1925 по 1928 год Ю.Н. Рерих является участником основного этапа Центрально-Азиатской экспедиции, отвечая, как уже было упомянуто, за её охрану. Здесь в полной мере пригодились его познания в военном деле. Не раз тактические навыки и личное мужество Юрия Рериха спасали караван.

Он владел десятками языков и диалектов, и «ему были доступны любые первоисточники, так же как и разговорный язык в живом общении с аборигенами исследуемых стран»¹⁴. Не будет преувеличением сказать, что без Юрия Николаевича решение многих поставленных перед Центрально-Азиатской экспедицией задач было бы невозможно. Во всех трудностях и испытаниях этого долгого пути Ю.Н. Рерих был незаменимым помощником своего отца. Неисчислимые препятствия и лишения, сопутствовавшие экспедиции на всём её пути (а это 25 000 км по Индии, Сибири, Алтаю, Монголии, Китаю и Тибету), были преодолены, и в мае 1928 года экспедиция завершилась.

Итоги этой уникальной экспедиции нашли отражение в монографии Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии»,

¹³ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. М., 2002. С. 26.

¹⁴ Непрерывное восхождение. Т. 1. М., 2001. С. 492.

¹² Из интервью А.Н. Зелинского. 2002 г. Архив СибРО.

вышедшей в Лондоне в 1931 году. Эта работа сразу поставила молодого исследователя в ряд учёных — первопроходцев Азии. Много страниц в этом труде автор посвятил кочевникам Северного Тибета, сохранившим в своей культуре традиции кочевников далёкого прошлого Евразии.

Отныне история Тибета (особенно кочевого) как часть истории Центральной Азии становится лейтмотивом его научного творчества. До настоящего времени Тибет остаётся уникальным хранителем и носителем традиции особого «звериного стиля», свойственного в древности всему скифскому миру от южно-русских до центрально-азиатских степей.

Открытия в этой области, сделанные во время экспедиции, Ю.Н. Рерих обобщил в своей классической работе «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», изданной в Праге в 1930 году и ставшей событием в мировой науке. «Работа Юрия Николаевича Рериха о "зверином стиле" в Тибете, — отмечал Л.Н. Гумилёв, — давно уже ставшая библиографической редкостью, цитируется всеми историками скифского и сарматского искусства как сочинение, сделавшее эпоху в науке».

«Сознавая необходимость дальнейшего археологического исследования Тибета и связанного с ним евразийского кочевого мира, Ю.Н. Рерих писал: "Великие кочевые империи, колоссальные по замыслу и занимаемому географическому пространству, остаются и поныне почти неисследованными..."»¹⁵ По словам А.Н. Зелинского, «именно просторы этих степей, протянувшихся почти сплошной полосой от Карпат на западе до Большого Хингана на востоке, на протяжении многих веков служили жизненной основой и ареалом кочевых культур скифов, гуннов, тюрков и монголов. Эти сменявшие друг друга кочевые культуры Ю.Н. Рерих рассматривал как предмет специальной отрасли востоковедения — номадистики (то есть науки о кочевниках, чьё прошлое ранее учёными не рассматривалось)»¹⁶.

Н.К. Рерих. ЗАМКИ ГЕСЭР-ХАНА. 1929

Благодаря великолепному знанию тибетских наречий и открытому, дружелюбному характеру Юрий Николаевич быстро находил контакт с кочевниками-тибетцами. В это же время он собрал уникальный материал о кочевниках хор-па, говорящих на крайне архаичном наречии тибетского языка. «В бонском монастыре в Шаругене им было открыто многотомное рукописное собрание текстов добуддийской религии Тибета — древней и во многом загадочной веры под названием Бон. Часть этих рукописей была посвящена бонской версии знаменитой "Гесэриады", которую Ю.Н. Рериху довелось слушать непосредственно из уст тибетских кочевых рапсодов. "Я помню эти сидящие фигуры и сосредоточенные лица, — писал он об этом, — и затянувшиеся до полуночи рассказы о героических подвигах царя Гесэра и его семи воинственных друзей. В эти моменты обычно равнодушное выражение лица кочевника внезапно загорается внутренним огнём, который говорит больше, чем слова, о том, что их воинственный дух ещё живёт в них до сих пор"»¹⁷.

Создание легендарного центрально-азиатского эпоса о Гесэре он относил к середине I тыс. н.э.

Н.К. Рерих, посвятивший этому герою несколько своих картин, писал: «В Лхасе есть Храм Гесэр-хана.

¹⁶ Там же. С. 31.

¹⁷ Там же. С. 28 – 29.

¹⁵ Воспоминания о Ю.Н. Рериха. М., 2002. С. 31.

Ю.Н. Рерих. Калимпонг. 1950-е гг.

По сторонам входа изображены два коня — красный и белый. По преданию, когда Гесэр-хан приближается к Лхасе, то кони эти ржут. Не будет ли скоро этот клич коней? (...)

Вечером наши ламы читали молитвы Майтрейе и Шамбале. Если бы на Западе понимали, что значит в Азии слово Шамбала или Гесэр-хан!»¹⁸

Материалы, собранные экспедицией, были настолько обширны, что понадобился целый научный центр для их обработки. С этой целью в гималайской долине Кулу, где Рерихи обосновались в конце 1928 года, был создан институт «Урусвати», и возглавил его Юрий Николаевич Рерих. Определяя цели института, он писал: «Постижение основных путей развития человечества — это шаг к пониманию собственной личности. Обращаясь к прошлому, мы раскрываем для себя настоящее. (...) В горах скрыта забытая цивилизация, носитель древней мудрости и культуры. Именно здесь зашедшая в тупик наука может найти своё обновление. Древняя мудрость —

это ключ, которым археолог и натуралист открывают секреты культуры Востока. (...) Вновь наступает время, когда восточное знание проникает в нашу жизнь и подчиняет себе науку»¹⁹.

На протяжении двенадцати лет, с 1930 по 1942 год, когда события Второй мировой войны прервали деятельность этого центра, Ю.Н. Рерих был бессменным директором и душой института.

Незаменимым помощником Николая Константиновича был Юрий Николаевич и во время второй экспедиции Рериха — в Маньчжурию, Западный Китай и Внутреннюю Монголию, — которая состоялась в 1934 – 1935 годах. В ходе этой экспедиции они посетили и Японию.

Самое значительное в этот период научное достижение Ю.Н. Рериха, принёсшее ему мировую славу, — перевод с тибетского и комментариев к текстам одного из наиболее важных сочинений по истории Тибета, созданного в XV веке тибетским историком Гойлоцава Шоннупэлом, — «Голубые анналы». В этом труде Ю.Н. Рерих впервые пролил свет на сложные и запутанные вопросы истории и хронологии Тибета VII – IX веков. В 1949 году в Калькутте вышел в свет первый том этого труда. «Голубые анналы» ознаменовали собой целую эпоху в тибетологии и продолжают быть одним из фундаментальных трудов в изучении истории и культуры средневекового Тибета.

Вопреки традиции европейского востоковедения Ю.Н. Рерих рассматривал Тибет не как изолированный горный район в центре Азии, а как особое место на планете, где надо искать ключи к историческим судьбам многих стран и народов, порою даже весьма удалённых от Тибета во времени и пространстве.

Т.И. Мурашкина вспоминала о беседе Л.В. Шапошниковой с учёным ламой, который сказал: «В библиотеке школы тибетской философии я видел перевод древней тибетской хроники "Голубые анналы". Там целая глава посвящена Калачакре и её распространению, и это один из лучших переводов, мне встречавшихся. Как ни странно, он сделан европейцем. Автор был, конечно, необычным человеком и многое знал из того, что известно только нам».

В 1932 году Ю.Н. Рерих публикует работу «К изучению Калачакры» (Калачакра — сложнейший буддийский философский трактат). «Эта работа Ю.Н. Рериха... пока не оценённый шедевр творчества великого русского учёного. Учение Калачакры (Колеса Времени) было последней фазой развития буддизма на его родине в Индии, откуда в XI веке оно было принесено в Тибет. (...) Юрий Николаевич Рерих, прозревая глу-

¹⁸ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. Рига, 1992. С. 245, 298.

¹⁹ Рериховский вестник. 1992. Вып. 5. С. 43 – 44.

бины прошлого, стремился проникнуть в суть этого учения и понять его общечеловеческое значение. (...) Эта замечательная работа — подлинный памятник великому учёному, давшему программу осмысления и исследования Калачакры на многие десятилетия вперёд... Без этого небольшого, но сверкающего, как бриллиант, рериховского шедевра мы не сумели бы проникнуть в восточные первоисточки общечеловеческой культурной традиции сакрализации времени...»²⁰

Приведём фрагмент из письма Великого Иерарха Маха Когана — оно было написано в 1881 году, когда была сделана первая попытка установления прямого контакта Махатм с западным миром: «Буддизм, очищенный от своих религиозных предрассудков, является вечной истиной...»²¹

Этим объясняется то большое внимание, которое уделял Юрий Николаевич изучению буддизма — первой по времени своего возникновения мировой религии. «Распространяясь по азиатскому континенту, буддизм отличался двояким притяжением — влияние и его философской мысли, и общечеловеческой направленности было потрясающим. Буддизм, будучи правильно воспринятым, обнаруживает замечательное родство с современной мыслью. В сфере социальной этики — служение человечеству как единому целому и духовный подъём масс. Эта общечеловеческая направленность буддизма, подкреплённая высокой философией, на протяжении столетий вдохновляла философию, искусство и литературу стран Азии»²².

В работе «Культурное единство Азии» Ю.Н. Рерих пишет: «Повсюду, куда бы ни проникал буддизм, он формировал духовную жизнь и характер народа, обогащал его литературу и искусство и давал ему определённое единство воззрений... С самого начала своего распространения буддизм, следуя словам своего Основателя: "Идите и пекитесь о благе и благополучии многих, в сострадании к миру", — вдохновлялся и присоединялся к движениям, стремившимся к социальной справедливости и равенству. (...) Из всех подобных движений, процветавших на азиатской почве, буддизм имеет неотъемлемое право называться своим именем. В поисках единства, в попытках наведения новых мостов для объединения народов нам не следует забывать уроки прошлого, но, напротив, следует тщательно оберегать остатки былого единства и везде, где возможно, разжигать заново священный огонь культурного единения, культурного обмена, который

когда-то принёс человечеству благие плоды и которого так недостаёт нашему современному миру»²³.

В 1930-е годы Ю.Н. Рерих в целом завершает основную труд своей жизни — тибетско-английский словарь с санскритскими параллелями. В своём письме голландскому издателю Юрий Николаевич говорит: «...Словарь содержит огромное количество новых слов, никогда ранее не записывавшихся. Я думал о добавлении к словарю и русского текста, что помогло бы его распространению в России, где тибетские исследования проводятся активно»²⁴. Эта работа увидела свет уже после ухода из жизни Юрия Николаевича, благодаря стараниям его учеников.

Чем важны исследования Ю.Н. Рерихом просторов Азии и её древней культуры, в чём их духовная и общекультурная ценность, помимо того значения, которое они имеют для науки? Он обращает наше внимание на Восток с его богатейшей духовной культурой. По мнению Ю.Н. Рериха, судьба народов Востока — особенная, Центральную Азию ожидает новое возрождение, и она вновь, как в древние времена, сыграет важнейшую роль в жизни планеты.

Обратим внимание на слова Е.И. Рерих: «Русский народ хранит в себе природную культурность, ибо характер его слагался на азиатских просторах из накоплений Востока и приобретений Запада. Я горжусь тем, что мы можем называть себя азиатами, ибо из Азии всегда приходил и будет приходить Свет до конца нашей Манвантары, или цикла»²⁵.

В сборах на Родину, после тяжёлой болезни 13 декабря 1947 года уходит из жизни Николай Константинович Рерих. В одном из своих последних писем (к И.Э. Грабарю) он пишет: «Как нужен Юрий — индолог, санскритист, тибетолог и монголист, не только глубоко изучивший источники, но и владеющий языками — небывалое соединение, так нужное при возросшем значении Азии. На днях он читал нам свой последний труд "Задачи тибетоведения", основанный на новых данных. Огромно значение тибетской исторической литературы. Индию, Китай, Монголию, Афган, Непал, Бутан — словом, все восточные страны нельзя полностью изучать, не ознакомившись с историческими источниками Тибета — великое перепутье, ещё недавно совершенно забытое. Да, наша Родина пойдёт по новым путям, вооружённая новым знанием.

Ты пишешь, что Академия Наук издаёт теперь множество трудов — радостно слышать! Долго ли под спудом будут труды Юрия — "История Средней Азии",

²⁰ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. М., 2002. С. 35 – 36.

²¹ Письма Мастеров Мудрости. 1870 – 1888. М.: Сфера, 1998. С. 9.

²² Рерих Ю.Н. Буддизм и культурное наследие Азии. М., 2002. С. 10.

²³ Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. С. 20, 27.

²⁴ Рерих Ю.Н. Письма. Т. 2. С. 104.

²⁵ Рерих Е.И. Письма. Т. 5. М., 2003. С. 252.

"История Тибета", Тибетский словарь, исследования о наречиях, об искусстве, о нашей экспедиции, о зверином стиле, о Гесэре и многие сообщения, сделанные в Азиатском обществе? Чего ради весь этот ценный материал, накопленный в течение четверти века, должен лежать под спудом, а не радовать нашу Родину?

Азиатское общество сейчас издаёт большой труд Юрия (1200 страниц), но по-английски. Когда же по-русски? Я, как патриот, негоую. Всё для Родины!»²⁶

После ухода Николая Константиновича Юрий Николаевич с Еленой Ивановной покидают долину Кулу, начинается новый этап их жизни. Они переезжают в Дели, а затем в Кхандалу (местечко под Бомбеем). Там они провели почти целый год в надежде получить долгожданные визы из СССР. Но их надежды не оправдались, и в феврале 1949 года они поселились в Калимпонге — небольшом курортном городке на северо-востоке Индии. «Около десяти последних лет своего пребывания в Индии (1949 – 1957) Ю.Н. Рерих проводит в Восточных Гималаях — там, где за четверть века до этого были им сделаны первые шаги самостоятельной научной деятельности. Здесь, в Калимпонге, на границе с Сиккимом, вблизи патриархов гималайских вершин — Джомолунгмы и Канченджанги, столь ярко запечатлённых на полотнах Николая и Святослава Рерихов, он создаёт ряд новых блестящих работ»²⁷.

Сразу же по приезде в Калимпонг Юрий Николаевич активно берётся за организацию Индо-тибетского исследовательского института. Он организует курсы по изучению китайского и тибетского языков, привлекая к преподавательской работе в первую очередь самих носителей языка.

К этому времени Юрий Николаевич — уже всемирно признанный авторитет в области лингвистики и филологии, философии, археологии и искусствоведения. Его имя знают не только в Индии, но и в Европе и Америке. «За свои выдающиеся заслуги в области изучения языка, литературы, истории, археологии и

этнографии Центральной и Южной Азии Ю.Н. Рерих был избран членом Королевского азиатского общества в Лондоне, Азиатского общества в Бенгалии, Парижского географического общества, американских Археологического и Этнографического обществ и многих других»²⁸. Немало исследователей стремятся приехать к Юрию Николаевичу, чтобы познакомиться с ним и стать его учениками.

Однако вопрос о возвращении в Россию остаётся для Юрия Николаевича одним из самых насущных. В письме к З.Г. Фосдик в 1952 году он писал: «Как Вам известно, нами было сделано соответствующее заявление от имени матери моей, Елены Ивановны, двух воспитанниц, сестёр Богдановых, и моего в феврале 1949 г. С тех пор мы ежегодно запрашивали лично, письменно и телеграфно (с оплаченным ответом), о судьбе нашего заявления, но по сей день ответа не получили, хотя нас и заверяли в благожелательном отношении. Наши устремления остались прежними, и я думаю излишне писать о нашей постоянной готовности приложить свои силы и знания. Вы знаете, что я не узкий специалист, а многолетнее всестороннее изучение Среднего и Дальнего Востока, казалось мне, позволяло надеяться на благоприятный ответ»²⁹.

В декабре 1953 года Юрий Николаевич дважды встретился в Дели с советником посольства, который обещал расследовать дело, но обещание это осталось невыполненным. Одновременно предпринимаются аналогичные попытки через родственников, друзей, Академию художеств, но все письма и прошения в адрес советского правительства остались без ответа.

5 октября 1955 года уходит из жизни Елена Ивановна Рерих. Для Юрия Николаевича, долгие годы жившего вместе с матерью, это был тяжёлый удар.

В письме к Г.В. Вернадскому от 30 марта 1956 года он пишет: «Глубокоуважаемый Георгий Валентинович! Прошу простить великодушно за долгое молчание. Год выдался трудный для меня. Пришлось испытать вторично великое горе — ушла моя мать. Для меня это явилось полной внутренней перестройкой жизни. Только теперь смог возобновить свои работы».

В ожидании разрешения на возвращение проходит ещё около двух лет. Встреча с Н.С. Хрущёвым, с которым Ю.Н. Рериху удалось переговорить во время визита правительственной делегации СССР в Индию, решила наконец этот вопрос. Юрий Николаевич Рерих получает советское гражданство и разрешение вернуться на Родину.

*Герой готов на подвиг и на бой,
Герой готов на труд, на испытанье...*³⁰

Продолжение следует

²⁶ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 3. М., 1996. С. 533.

²⁷ Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. М., 2002. С. 37.

²⁸ Там же. С. 38.

²⁹ Рерих Ю.Н. Письма. Т. 2. С. 226 – 227.

³⁰ Спирина Н.Д. Полное собрание трудов. Т. 3. Новосибирск, 2009. С. 243.

ВЕНЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ

4 августа 2012 года в г. Венёве Тульской области прошли 16-е Венёвские чтения, посвящённые памяти Б.Н. Абрамова (1897 – 1972), духовного ученика и сподвижника Н.К. и Е.И. Рерихов. В этом году исполняется 115 лет со дня рождения Бориса Николаевича и 40 лет со дня его ухода из земной жизни.

Чтения проходили в Школе искусств г. Венёва, где собрались почитатели творчества Б.Н. Абрамова из разных городов (Тулы, Москвы, Тамбова, Калуги, Минска и др.). Чтения открылись выступлением учащихся музыкальной школы. С приветственным словом к собравшимся обратилась начальник отдела культуры администрации Венёвского района Н.В. Ермакова. Прозвучало также приветственное слово от Сибирского Рериховского Общества, подготовленное исполнительным директором О.А. Ольховой.

Душевный рассказ о личных встречах с Борисом Николаевичем Нины Васильевны Бургасовой, близко знавшей его на протяжении восьми лет, позволил ощутить его образ особенно близким и человечным. С докладами о жизни и творчестве Б.Н. Абрамова и о его переписке с Рерихами выступили сотрудники рериховских организаций Т.В. Аверьянова (г. Москва) и М.П. Чистякова (г. Щёкино, Тульская обл.). Этико-философская грань мировоззрения Рерихов и Б.Н. Абрамова была рассмотрена в докладе «Нравственный закон» Н.В. Башковой (г. Тула), сопровождавшемся слайд-презентацией. Украсили Чтения две слайд-композиции: «Сребротканная нить» (студия СибРО), где о поэзии своего духовного Учителя рассказывает Н.Д. Спирина, и подготовленная Т.В. Дидовой (г. Тула) — о Музее-усадьбе семьи Рерихов в Кулу, по впечатлениям от её поездки в Индию. Завершились Чтения просмотром фильма студии СибРО «Венёвские встречи», построенного на вос-

поминаниях людей, лично знавших Б.Н. Абрамова в период его жизни в Венёве. Участники Чтений отметили добрую и гармоничную атмосферу, объединившую всех вокруг имён Абрамова и Рерихов.

Традиционно в этот день участники Чтений посещают могилу Б.Н. и Н.И. Абрамовых возле Иоанно-Предтеченского храма, Краеведческий музей, где оформлена небольшая экспозиция, посвящённая венёвскому периоду жизни духовного подвижника, и отмеченное мемориальной доской место, где стоял дом — последнее местожительство семьи Абрамовых.

Соорганизаторами Чтений выступили сотрудники Тульского Рериховского исследовательского центра, Сибирского Рериховского Общества и Центра по изучению мирового культурного наследия при Институте востоковедения РАН. Следующие Чтения планируется провести 3 августа 2013 года. Информацию можно найти на сайте: <http://www.etikavomne.narod.ru/> и по адресу: cvetokachestv@mail.ru.

Наталья Башкова

По вопросам оказания помощи Музею Н.К. Рериха в Новосибирске обращайтесь в Сибирское Рериховское Общество:

Адрес: 630099, Новосибирск-99, а/я 251. Тел./факс: (383) 218-06-71; 210-34-55; тел.: 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru

Средства просим перечислять на расчётный счёт: **Получатель:** ИНН 5407119062, Сибирское Рериховское Общество,

Р/сч 40703810144070130495. **Банк получателя:** Сибирский банк СБ РФ, г. Новосибирск, БИК 045004641,

Кор/с 30101810500000000641; с пометкой: «Благотворительное пожертвование на ведение уставной деятельности для Музея Н.К. Рериха».

Учредитель: © Сибирское Рериховское Общество. При перепечатке любых материалов обязательно предварительное согласование с редакцией.

Основатель журнала «Восход» – Наталья Дмитриевна Спирина.

Издание основано в 1993 г., зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ. Свидетельство ПИ № 77-9359. Тираж 800 экз.

Цена свободная.

Редакционный совет: Н.Ф. Василькова, Т.М. Деменко, С.А. Деменко, Н.М. Кочергина, А.А. Резванцева, И.И. Сереброва, Ю.В. Цыганкова.

Редактор В.В. Игнатьева, цветокорректор С.А. Ковалёва.

Адрес Издательского центра РОССАЗИЯ: 630099, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 38. СибРО, редакция.

Телефон: (383) 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru. Сайт журнала: <http://voshod.sibro.ru>

Подписка: в книжном отделе СибРО «Искры Света». По заявке высылается бесплатный каталог.

Адрес: 630007, г. Новосибирск-7, а/я 126, ООО «Искры Света». Отдел «Книга-почтой».

Тел./факс: (383) 218-09-50; e-mail: knigisibro@inbox.ru. Интернет-магазин: <http://knigisibro.ru>

Отпечатано в типографии ИД «ВОЯЖ», г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Н.К. Рерих. ДРУЖИНА ГЕСЭР-ХАНА. 1931

В 1924 году из Тибета пришла в Сикким м-с Дэвид Ниель и в своих статьях сообщила много новых сведений о Гесэр-Хане, легендарная личность которого имеет так много общего с Ригден-Джапо, Владыкою Шамбалы. Были принесены древние пророчества о Гесэр-Хане, о его непобедимом воинстве и о походе для очищения Лхасы от нечестивцев. В своей статье «Будущий герой Севера» Дэвид Ниель говорит:

«Гесэр-Хан — это герой, новое воплощение которого произойдёт в северной Шамбале. Там он объединит своих сотрудников и вождей, сопровождавших его в прошлой жизни. Они все также воплотятся в Шамбале, куда их привлечёт таинственная мощь их Владыки или те таинственные голоса, которые слышимы лишь посвящёнными».

Владыка Гесэр-Хан идёт с непобедимым войском... и водворяет всеобщую справедливость и благосостояние. (...) Гесэр-Хан вооружён громовыми стрелами, и суждённое войско скоро готово выйти из заповедной страны на спасение мира.

Тот, кто умеет читать тайные руны, поймёт, на какую новую эпоху торжества духа указывают символы.

Н.К. Рерих. Сердце Азии